

ГЛАВА I.

ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ

1.1. РОССИЯ ПОСЛЕ СМУТЫ

Избрание на царство Михаила Федоровича было шагом на пути к политической стабильности, но Смута закончилась не сразу. Первые годы нового царствования были наполнены восстаниями и войнами; война с Польшей закончилась только в 1618 году. Россия была вынуждена признать утрату западных областей, Смоленска и северских городов; западная граница страны вернулась к рубежам времен Ивана III. Еще более тяжелым было положение на юге: все южные области были опустошены, татары ежегодно переправлялись через Оку и иногда доходили до окрестностей Москвы. За время Смуты в полон были выведены сотни тысяч русских людей, и, принимая московского посла, персидский шах Аббас выражал удивление, что в Русском государстве еще остались люди¹. Чтобы остановить непрекращающиеся набеги, русское правительство согласилось платить крымскому хану ежегодные «поминки», и до середины XVII века было уплачено (вместе с другими подношениями) более 900 тысяч рублей — примерно 25 тысяч рублей в год. В 1647 году шведский резидент Фарбер писал, что «татары со своими соседями исправно получают каждый год обыкновенную дань, по 30 тысяч рублей и мехами»². Фактически это было восстановление прежней татарской дани — более того, по своим размерам эта дань была много больше прежней. По некоторым оценкам, ежегодные военные расходы русского государства (то есть основная часть бюджета) составляли в 1620-х годах около 280 тысяч рублей. Таким образом, новая татарская дань отнимала примерно 7–8% государственного дохода³.

В контексте трехфакторной модели наиболее важными представляются демографические последствия катастрофы. Великая Смута нанесла страшный удар России. Города лежали в развалинах, повсюду виднелись пепелища деревень. «Вотчины монастырские все до основания разорены, — писали монахи Иосифо-Волоколамского монастыря, — и крестьянишка с женами и детьми посечены, а достальные

в полон повыведены... все пусто, стоит лес да небо»⁴. Бывшие пашни заросли лесом, и в некоторых местах крестьяне вернулись к подсечному земледелию — как в начальные времена Киевской Руси. Судя по данным переписей, в Новгородской земле численность населения в 1620 году была вдвое меньше, чем в 1582 году, и в 10 раз меньше, чем в 1500 году. В вотчинах Троице-Сергиева монастыря, заброшенных по всему центральному району, площадь пашни сократилась более чем в 10 раз. В Московском уезде по данным переписи 1626–1629 годов регулярно обрабатывалось только $\frac{1}{8}$ прежней пашни, остальная часть заросла лесом или использовалась под перелог⁵.

Масштабы запустения центральных областей Замосковья, можно оценить только в сравнении с численностью населения в более поздний период, например, в 1678 году. Данные переписей 1620-х годов и 1678 года сохранились не полностью, поэтому Ю. Готье — в целях взаимной проверки — оценивал рост населения двойко: по 115 крупным имениям и 9 уездам. В первом случае количество дворов увеличилось за указанный период в 2,5, во втором случае — в 2,8 раза; численность населения возросла соответственно в 3,4 и 4 раза⁶. Возможно, этот рост отчасти объясняется неполнотой учета в 1620-х годах, однако сопоставление с другой переписью, 1646 года, также указывает на быстрый рост населения: в трех уездах (Боровском, Гороховецком и Клинском) число дворов в 1646–1678 годах увеличилось в 2 раза, а население — в 2,7 раза⁷. В Новгородской земле, где восстановление было более медленным, число дворов увеличилось в 1646–1678 годах в 1,43 раза, а население — в 2,15 раза⁸.

Северная часть страны, Поморье, была меньше затронута бедствиями, чем центральные области. Часть жителей Замосковья бежала от Смуты на Двину и Вятку, поэтому население отдельных районов Севера в это время не только не уменьшилось, но и возросло. В 1620-х годах новые деревни, починки, составляли почти половину вятских деревень; в Устьянских волостях на Двине в 1646 году запашка была втрое больше, чем до катастрофы 1569–1572 годов. В годы после Смуты площадь пашни на Севере была больше, чем в разоренном Замосковье; Север на некоторое время стал опорным краем Руси⁹.

В целом по переписи 1646 года население страны составляло 551 тысячу крестьянских и 31 тысячу посадских дворов¹⁰. Если принять среднюю населенность двора в 6 человек, то получится 3,5 млн., а с поправкой на недоучет (который Я. Е. Водарский оценивает в 25%) — 4,5–5 млн. На 1620 год численность населения, была, конечно, меньше; если считать ежегодный прирост около 1%, то получится 3,5 млн. В 1550-х годах, по оценке А. И. Копанева, население состав-

ляло 9–10 млн.¹¹, то есть две демографические катастрофы уменьшили население в 2,5–3 раза.

В экономическом и политическом отношении страна была отброшена на несколько столетий назад. Государственный аппарат развалился, налоговая система практически не функционировала, и войско было нечем оплачивать. В январе 1613 года в Москве собрался Земский Собор для избрания царя; помимо бояр, священников, дворян и посадских людей в Соборе впервые участвовали выборные от чернослободских крестьян и казаков. Решающее слово в выборах царя оказалось за казаками, которые едва ли не силой заставили бояр принять кандидатуру 17-летнего Михаила Романова. «Казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули царю», — свидетельствует современник¹². Польский король Сигизмунд был убежден, что чернь возвела Михаила на престол против воли знатных¹³.

По своей молодости царь не мог выступать в роли самодержца; некоторые историки полагают, что при вступлении на престол Михаил подписал обязательство, ограничивающее его власть. Как бы то ни было, первые десять лет своего царствования Михаил правил совместно с Земским Собором, находя в нем совет и опору. Если прежде царские грамоты заканчивались традиционной формулой: «Царь приказал и бояре приговорили», то на грамотах Михаила Романова появляется новая формула: «По царскому указу и земскому приговору»¹⁴.

Обстоятельства избрания и образ правления царя Михаила способствовали созданию легенды об «избранном всем миром народном царе». Новый царь старался выступать в роли блюстителя справедливости и был внимателен к жалобам простых людей об обидах, чинимых им «сильными». Для принятия жалоб и розыска создавались специальные «сыскные приказы», один из них назывался «Приказ, где на сильных бьют челом» — нечто вроде Челобитного приказа, учрежденного Иваном Грозным. «Народное представление о царь-блюстителе высшей справедливости заставляло население тянуться со своими нуждами к престолу... — писал А. Е. Пресняков. — Московская средневековая монархия выростала на народном корню»¹⁵.

В этот период — впервые в русской истории — мы встречаем упоминания о государственных учреждениях, систематически оказывающих помощь крестьянам. «Нынешний великий князь-государь очень благочестивый, который подобно отцу своему, не желает допустить, чтобы хоть один из его крестьян обеднел, — свидетельствует

гольштинский посол Адам Олеарий. — Если кто-нибудь из них обеднеет вследствие неурожая хлеба или по другим случайностям... то ему от приказа или канцелярии, в ведении которой он находится, дается пособие, и вообще обращается внимание на его деятельность, чтобы он мог снова поправиться, заплатить долг свой и внести подати начальству»¹⁶. Имеются также сведения о том, что правительство в интересах населения ограничивало цены на хлеб и регулировало хлебную торговлю — это наводит на ассоциации с аналогичными османскими порядками¹⁷.

Народный характер новой монархии определялся также и тем обстоятельством, что она родилась вследствие компромисса между сословиями. Монархии стоило большого труда примирить дворян и казаков (которые, по сути, были восставшими крестьянами и холопами)¹⁸. После воцарения Михаила многие казаки вернулись к крестьянской жизни и устроились на пашню «по льготе»; другие поступили на царскую службу. Казаки превратились в многочисленное военное сословие: они пользовались внутренним самоуправлением, жили в пограничных крепостях, имели земельные наделы и получали дополнительное денежное жалованье. Часть казаков (полторы тысячи) получила поместья, некоторые стали дворянами¹⁹. Таким образом, наиболее активная часть крестьянства не только улучшила свое экономическое положение, но и добилась повышения своего социального статуса. То, что часть восставших была включена в военные структуры нового государства, несомненно, свидетельствовало о достижении соглашения между враждовавшими сословиями.

Возникшая на основе компромисса новая власть была слабой. Вместо того, чтобы требовать, царь и Собор униженно просили займы деньги у купцов Строгановых: «Если же вы нам займы денег, хлеба и товаров не дадите, и ратные люди, не терпя голоду и нужды, из Москвы разойдутся, то вам от бога не пройдет это даром, что православная христианская вера разорится»²⁰. Для содержания ратников освободившего Москву ополчения Земский Собор решил собрать «пятую деньгу» с посадских жителей. Однако во многих городах отказывались платить сполна и оказывали открытое сопротивление сборщикам. Крестьяне при попытке властей собрать с них чрезвычайные налоги бросали свои деревни и уходили туда, где им давали льготы: так случилось, к примеру, в Кирилло-Белозерском монастыре²¹. «Государевой казны нет нисколько, — говорилось в указе, — кроме таможенных и кабацких денег государевым деньгам сбору нет»²². В 1626 году отсутствие денег заставило правительство уменьшить

вес серебряной копейки, новая монета весила 0,47 грамма, почти на треть меньше, чем прежде.

После заключения мира с поляками из плена вернулся патриарх Филарет, отец царя, который стал фактическим руководителем правительства. Филарет вырос в эпоху Ивана Грозного и придерживался старых понятий о значении царской власти. Патриарх получил титул «Великого Государя» и правил как самодержец. С 1622 года перестают собираться Земские Соборы, и понятие «совет всей земли» исчезает из правительственных документов. «Филарет был... настолько властным, что даже сам царь боялся его, — писал архиепископ Пахомий. — Он держал в повиновении бояр и других царских людей, ссылая их или налагая на них другие наказания... Он управлял всеми государственными и военными делами царства»²³.

Филарет энергично взялся за восстановление налоговой системы. Чтобы наладить сбор налогов, необходимо было провести перепись земель, подобную тем, которые производились в XVI веке. Первые же попытки проведения переписи в отдельных районах показали, что площадь «живущей» (т. е. регулярно засеваемой) пашни сократилась в 4, в 10 и более раз. Чтобы уклониться от налогов, крестьяне указывали в качестве тяглых наделов мизерные участки в одну—две четверти (четверть — половина десятины). В Шелонской пятине на «обжу», которую когда-то распахивал один крестьянин, теперь приходилось больше 20 дворов; общая сумма налогов сократилась в 50 раз²⁴. Правительство боялось возобновления восстаний, и писцы не смели выявлять утайку пашен; им было приказано действовать со всяческой осмотрительностью, чтобы крестьян «не оскорбить»²⁵. При таких обстоятельствах в 20-х годах была-таки проведена перепись и назначены новые налоги: «ямские деньги» и собиравшийся натурой «стрелецкий хлеб». Как и раньше, окладной единицей служила «соха», содержащая на поместных и вотчинных землях 800 четвертей «живущей пашни», на монастырских землях в «соху» клали 600 четвертей, а на черных землях — 500 четвертей. Правительство попыталось получить необходимые деньги, взимая с мизерных тяглых наделов достаточно высокие налоги. В конце 20-х годов с сохи брали 400 рублей ямских денег и 100 «юфтей» стрелецкого хлеба (юфть — это четверть ржи плюс четверть овса). В пересчете на хлеб крестьянский двор, имевший надел в 1 четверть на поместных землях, должен был отдавать в уплату налогов около 7 пудов ржи и овса, примерно 1,4 пуда на душу населения. Это была ставка, в 2–3 раза более высокая, чем до Смуты, и естественно, что слабая власть не смогла заставить крестьян платить такие налоги. Характер-

но, что ходатаями за крестьян выступили дворяне — ведь высокие налоги уменьшали их ренту. Дворяне засыпали правительство коллективными челобитными. Служилые люди из Торопца и Холма писали, что «которые де крестьяне и бобыли в их поместьях и вотчинах оселились внове, после разоренья... те крестьяне ныне живут за ними по льготе, а подмогают их они государевым денежным жалованьем». Помещики из Зубцовска били челом, что «которые у нас остались от разоренья бобылишка, и те кормятся христовым именем, а иных мы, холопи ваши, тем же вашим государским жалованием денежным делимся и подмогаем»²⁶.

В канун Смоленской войны коллективная подача челобитных приобрела характер массового политического движения — и не терпевший пререканий Филарет был вынужден пойти на уступки. Была введена новая окладная единица, «живущая четверть», которая заменила прежнюю реальную четверть «живущей» пашни. В «живущую четверть» на поместных и вотчинных землях стали класть 8 крестьянских и 4 бобыльских двора или (в других уездах) 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов. Если раньше четверть пашни ($\frac{1}{800}$ часть «сохи») соответствовала примерно 1 крестьянскому двору, то теперь «живущая четверть» (тоже $\frac{1}{800}$ часть «сохи») соответствовала 10 или 16 дворам (два бобыльских двора считались за один крестьянский). Обложение «сохи» осталось прежним, а число дворов в сохе возросло в 10–16 раз — следовательно, налоги с двора уменьшились более, чем в 10 раз! Эта впечатляющая победа дворян продемонстрировала полное бессилие правительства²⁷. Филарету не удалось восстановить самодержавие, и страна продолжала оставаться ареной борьбы сословий.

Уменьшив налоги с поместных земель, власти были вынуждены сократить и податное обложение монастырей. В «живущую четверть» на монастырских землях клали 6 крестьянских и 3 бобыльских двора. Поскольку в монастырской «сохе» было 600 четвертей, то налоги на монастырских землях были примерно в 2,3 выше, чем на поместных. Кроме того, во время войн монастырские и «черные» крестьяне были обязаны поставлять «даточных» (или «посошных») людей и платить «ратным людям на жалование»; в отдельные годы это резко увеличивало тяжесть повинностей. Хуже всего было положение крестьян на «черных» землях; «живущая четверть» оставалась здесь реальной четвертью пашни, и обложение «черных» крестьян, таким образом, сохранялось на прежнем высоком уровне. Земли центральных уездов были розданы в поместья, и основные массивы «черных» земель располагались на Севере и в Вятской области. На «черных»

Табл. 1.1. Основные налоги поместных и вотчинных крестьян²⁸. В «сохе» условно принимается 10 тысяч дворов.

Годы	Стрелецкий хлеб		Ямские деньги				Всего		
	«юфтей» с «сохи»	пудов на двор	руб. с «сохи»	денег на двор	цена юфты (денег)	пудов на двор	пудов на двор	населен- ность двора	пудов на душу
1551–1553									2,9
1631–1632	100	0,1	534	11	160	0,67	0,8	4,8	0,16
1639–1640	100	0,1	726	15	260	0,56	0,7	4,8	0,14
1640–1645	700	0,7	784	16	200	0,78	1,5	4,8	0,31
1646–1653	700	0,7	784	16	200	0,78	1,5	4,8	0,31
1654–1662	700	0,7	784	16	257	0,61	1,3	6,6	0,20
1663–1672	1400	1,4	784	16	350	0,45	1,8	6,6	0,28
1672–1679	2800	2,8	784	16	220	0,71	3,5	6,6	0,53
1680–1688		3,0		20	120	2,23	5,2	7,5	0,70
1688–1696		5,0		20	150	1,80	6,8	7,5	0,9

землях стрелецкий хлеб выплачивался деньгами, и до начала Смоленской войны вятские крестьяне платили примерно 260 денег²⁹; по официальным расценкам это составляло около 20 пудов хлеба со двора или примерно 4 пуда с души. Это было в 10–20 раз больше, чем налоги поместных крестьян, но при этом нужно, конечно, учесть, что «черные» крестьяне не платили оброков помещикам.

В целом уровень налогов определялся размерами податей поместных и вотчинных крестьян, которые составляли основную часть населения страны. В 1670-х годах этот уровень был низким: в пять–шесть раз ниже, чем во времена Ивана Грозного и Петра I. Голландский посол Кунрад Кленк писал, что «в мирное время в Московии платится мало», но в военное время налоги значительно увеличиваются³⁰.

Реформа начала 1630-х годов означала отказ от измерения полей и замену поземельного налога подворным – правительство признало невозможность восстановления старой фискальной системы и пошло по пути ее упрощения – упрощения, которое можно назвать деградацией³¹. Более того, государство было вынуждено резко снизить налоги – и в результате лишилось средств. Пришлось сократить войско,

распустить большую часть служилых людей «по прибору», стрельцов и казаков, а остальным назначить земельное жалование. Чтобы достать деньги, стали увеличивать косвенные налоги, таможенные и питейные сборы. Насаждение кабаков и кружечных дворов вызывало сопротивление волостных «миров», которые часто просили власти убрать кабаки, но власти соглашались на это только за большой «откуп». Увеличение числа таможен и кабаков дало существенные результаты, и в 1630-х годах эти сборы давали основную часть государственных доходов — хотя, конечно, это не решило финансовой проблемы³².

Во время Смуты особенно тяжело пострадали города: в середине XVII века население городских посадов оставалось в 2,5 раза меньше, чем столетие назад³³. Наличие свободных земель не создавало у крестьян стимула к занятию ремеслом и переселению в города, поэтому в XVII веке города росли сравнительно медленно. Русские города этого периода были в большей степени крепостями и административными центрами, нежели торгово-ремесленными поселениями. Жившие в городах «служилые люди» — дворяне, стрельцы, казаки и т. д. — по своей численности превосходили «посадских людей», торговцев и ремесленников. По оценке Я. Е. Водарского, в 1652 году городское население составляло 247 тыс. человек мужского пола, в том числе 139 тыс. служилых и 108 тыс. посадских людей, в 1678 году — 329 тыс. человек, в том числе 149 тыс. служилых и 134 тыс. посадских людей. Население Москвы в 1640-х годах насчитывало около 38 тыс. жителей мужского пола, в том числе около 20 тыс. служилых, 10 тыс. посадских и 8 тыс. «прочих»; к 1680 году число жителей возросло до 51 тыс., в том числе 20 тыс. служилых, 20 тыс. посадских и 11 тыс. «прочих». Другие города намного уступали размерами Москве: в Ярославле в конце XVII века насчитывалось 8 тыс. жителей мужского пола, в Пскове, Казани и Астрахани — 5 тыс. Новгород, когда-то превосходивший по размерам Москву, находился в глубоком упадке, мужское население этого города не превышало 3 тыс.³⁴

Среди городского населения выделялась богатая торгово-промышленная верхушка — «гости», торговые люди гостиной и суконной сотен. Это привилегированное купечество вело торговлю в масштабе всей страны и имело капиталы в тысячи рублей, однако оно было очень немногочисленно: в конце XVII века оно насчитывало лишь 250–300 семей. Собственно же посадские люди были в основной массе мелкими ремесленниками и торговцами, торговавшими со скамей и лотков, и стоимость товаров у них не достигала подчас одного рубля³⁵.

После разорения времен Смуты уровень развития ремесел и промышленности оставался низким. Крупное ремесло было представлено несколькими десятками кожевенных мастерских и винокурен. На соляных промыслах близ Соли Камской в конце XVII века имелось около 200 варниц, на которых было занято около 4 тыс. работников. Мануфактуры были редким явлением; они обычно принадлежали либо дворцовому хозяйству (Хамовный, Печатный, Монетный дворы), либо иностранцам. Голландские предприниматели построили близ Тулы и Каширы несколько доменных заводов, в основном отливавших пушки. В начале 1660-х годов на этих предприятиях насчитывалось всего лишь 119 постоянных рабочих, в том числе 56 иностранцев³⁶.

1.2. КРЕСТЬЯНСКИЙ «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

Демографически-структурная теория утверждает, что для периодов восстановления после кризисов характерен низкий уровень земельной ренты и относительно высокий уровень жизни крестьян. Попытаемся проверить этот теоретический прогноз на российских материалах XVII века. Вопрос о размерах барщины в XVII–XVIII веках подробно исследован в работах Н. А. Горской, Л. В. Милова, Ю. А. Тихонова и ряда других авторов³⁷. Используя приводимые в этих работах данные, можно оценить средние размеры барщины на протяжении этих столетий (табл. 1.2.).

Сопоставление данных для различных периодов показывает, что в целом для XVII века барщинные нормы были примерно в 3 раза ниже, чем во времена расцвета крепостничества в середине XIX века. Однако общий уровень барщины может быть оценен только в сравнении с наделами крестьян, со средними размерами крестьянской запашки. Для XVII века этот важный вопрос остается почти не изученным: проблема заключается в том, что, уклоняясь от налогов, крестьяне указывали в качестве тяглых наделов участки земли, намного меньшие, чем действительная запашка³⁹. В принципе земли было более, чем достаточно, после демографической катастрофы население резко уменьшилось, крестьянин мог выбирать лучшие участки и пахать столько, сколько желает. Нет особых оснований полагать, что производственные возможности крестьянского хозяйства в XVII веке были меньше, чем в XVI или в XVIII веках. Как в XVIII, так и в XVII веке землевладелец был готов предоставить крестьянину суду на обзаведение семенами и рабочим скотом: ведь он был кров-

Табл. 1.2. Барщина в поместных и вотчинных хозяйствах в расчете на душу населения (в десятинах)³⁸.

<i>Период</i>	1630–1644	1660–1669	1680–1700	1715–1723
<i>Размеры барщины</i>	0,32	0,66	0,36	0,37

но заинтересован в крестьянском труде. Часто упоминаемых в источниках XVII века «бобылей» нельзя с уверенностью классифицировать как разорившихся крестьян — во многих случаях это были скорее поселенцы на льготе; они распахивали перелог и осваивали «пашню, лесом поросшую», земли, заброшенные в период кризиса⁴⁰. В XVI веке на новгородчине средний двор в 5–6 человек распахивал 10–12 десятин⁴¹, то есть примерно по 2 десятины на душу. В конце XVIII века барщинные крестьяне в центральных уездах обрабатывали в среднем на душу 1,8 десятины пашни, в том числе 0,5 десятины барской запашки⁴². Эта величина соответствует расчетам С. А. Короленко (1890-е годы), который показал, что средняя семья в 6 человек могла обработать 10,5 десятин, то есть 1,75 десятины на душу⁴³. И. Д. Ковальченко полагал, что в первой половине XIX века крестьяне могли возделывать максимально 1,8–2 десятины на душу⁴⁴. Относительно XVII века известны лишь немногие случаи, когда удается выяснить полные размеры крестьянской запашки. На Смоленщине (с. Андреевское) в конце столетия средний крестьянский двор имел 12 десятин пашни; в Старорусском уезде в 1660-х годах — более 15 десятин⁴⁵; в вотчине боярина Морозова на двор приходилось 15–16 десятин⁴⁶, на дворцовых землях Скопинского уезда — 17 десятин (при среднем размере двора 6–8 чел.)⁴⁷.

В 1660 году власти Кирилло-Белозерского монастыря попытались установить реальную величину крестьянской запашки. Обмер проводился монастырской администрацией с участием самих крестьян, которые, конечно, не допустили бы включения в перепись земель, лежащих «в пусте». Крестьяне так и не дали довести проверку до конца, но результаты по 503 дворам показали, что средний надел равнялся 11 десятинам⁴⁸. Средний размер двора на Белоозере составлял 6,8 человека⁴⁹, то есть на душу населения приходилось 1,6 десятин пашни. Этот надел меньше, чем средняя запашка в XVIII веке, поскольку в те времена оброки и барщина были существенно меньше, и помещики не заставляли крестьян работать «из седьмого пота». В Троицко-Гледенском монастыре в конце 1670-х годов землю обрабатывали «половники», и им приходилось трудиться, не покладая рук, — поэто-

му пашенный надел был значительно больше: на душу приходилось 1,9 десятин⁵⁰.

Опираясь на эти данные, мы можем считать, что в XVII веке крестьянин был в состоянии обрабатывать в среднем 1,6–1,8 десятин пашни. Приняв эти цифры, мы получим, что в первой половине XVII века барщина отнимала примерно $\frac{1}{5}$ крестьянского труда, в 60-х годах — примерно $\frac{2}{5}$, и в конце столетия — немногим более $\frac{1}{5}$ ⁵¹.

В целом сравнительно небольшие нормы барщины согласуются с экономической теорией, утверждающей, что уровень ренты в XVII веке должен быть ниже, чем в другие столетия. Однако на протяжении XVII века барщина не оставалась одинаковой, как показывает табл. 1.2, в 1660-х годах имело место значительное, более чем двойное увеличение барщинных норм. Ю. А. Тихонов объяснял это увеличение барщины закрепощением крестьянства по Уложению 1649 года⁵². Такое объяснение кажется вполне естественным, но почему же тогда впоследствии, в 1680-х годах, барщинные нормы уменьшились и практически вернулись к низкому уровню первой половины столетия? Что это? Следствие крестьянской войны, которая, в свою очередь, была ответом на рост барщины?

Для объяснения эволюции барщины естественно привлечь данные о динамике оброка в соответствующий период. Эволюцию оброка проследить труднее, чем эволюцию барщины, в силу его многообразного характера. Случаев, когда можно подсчитать стоимость оброка в деньгах или в зерне, в литературе приводится сравнительно немного. Кроме того, чтобы установить реальную тяжесть оброка, нужно учесть уровень цен на зерно — нужно выяснить, сколько хлеба должен продать крестьянин, чтобы заплатить оброк. Мы пересчитали денежные величины оброка в пуды «хлеба», исходя из того, что «юфть хлеба» (четверть ржи плюс четверть овса) до 1680 года весила 10 пудов, а после 1680 года — 13,4 пуда.

В число оброчных платежей в XVII веке входила и плата за аренду внеадельных земель. Специфика используемых источников такова, что не всегда можно установить, включена ли эта плата в указанную в источнике сумму платежей. Однако в тех случаях, когда мы знаем плату за аренду, оказывается, что она, в общем, невелика и не оказывает существенного влияния на общую динамику оброков⁵⁵.

Данные табл. 1.3. подтверждают предположение о том, что величина оброка в XVII веке была намного меньше, чем в предыдущее и последующее столетия. Однако, если перейти к рассмотрению динамики оброка на протяжении XVII века, то можно заметить, что данные об оброках указывают на тенденцию, отличную от эволюции барщи-

Табл. 1.3. Оброки в XVII веке (в пересчете на пуды хлеба)⁵³. В некоторых случаях населенность двора неизвестна, тогда в соответствии с усредненной оценкой Ю. А. Тихонова⁵⁴, она принимается за 4,8 человека для 1620–1648 годов и 6,6 человека для 1649–1679 годов. Такие цифры выделены курсивом.

Годы	Уезд, село	Поместные или монас- тырские	Цена «юфты» (13,4 пуда), копеек	Оброк на душу	
				копеек	пудов
1540	Новгородские пятины	пом.			8–12
1623	Бежецкий Верх, с. Молоково и др.	мон.	94	8	1,1
1620–30	Юрьев-Польский у., Тальшинская в.	мон.	94	11	1,5
1626	Владимирский у., 5 деревень	пом.	94	21	3,0
1626	Галицкий у., 5 деревень	пом.	94	29	3,7
1626	Галицкий у., 4 деревни	пом.	94	21	3,0
1634	Галицкий у., 14 деревень	пом.	174	42	3,2
1639	Псковский у., Завелицкая засада (оброк хлебом)	мон.			3,7
1630–40	Коломенский у., 3 деревни	пом.	174	15	1,2
1644	Вологодский у., с. Оларевский Ключ	мон.	107	21	2,6
	<i>средние 1626–44 гг.</i>		123	25	2,9
сер. 60-х гг.	Уличский у., с. Притыкино	пом.	235	27	1,5
1660-е	Зубцовский у., с. Фаустова Гора	мон.	235	21	1,2
1664	Бежецкий у., с. Алабузино	мон.	235	25	1,4
1667	Тверской у., д. Пешки и др.	пом.	235	34	1,9
1667	Рязанский у., с. Киструс и др.	пом.	235	32	1,8
1670	Рязанский у., с. Высоково	мон.	235	15	0,9
	<i>средние 1660–1670 гг.</i>		235	25	1,5
1679	Ржевский у., с. Обобурово	пом.	92	27	3,2
1683–99	Кашинский у.	мон.	60	17	3,8
1680-е	Псковский у., Завелицкая засада	мон.	60	16	3,6
1690-е	Центральные районы. Оценка Н. А. Горской	мон.	75	22–32	3,8–5,8

ны. Если рассматривать денежный оброк, то оказывается, что на протяжении 1630–1716 годов он практически не меняется, оставаясь примерно на уровне 25 копеек на душу — это хорошо видно по приводимым в таблице средним величинам оброка для различных периодов. Здесь нужно отметить, что неизменность земельной ренты в период после Смуты, отмечалось многими авторами; Н. А. Горская назвала это «принципом фиксированности ренты»⁵⁶. Однако, если перейти к рассмотрению реальной ренты, исчисленной в пудах хлеба, то окажется, что рента менялась, причем ее динамика, как это ни странно, прямо противоположна динамике изменения барщины. В то время как барщина в 1660-х годах возрастает, оброк уменьшается, а позже, когда барщина уменьшается, оброк увеличивается. Само по себе уменьшение оброка в 1660-х годах легко объяснимо: резко возросла цена на хлеб, и поэтому, чтобы заплатить прежнюю сумму в деньгах, крестьянину нужно было продать меньше хлеба. К 1680 году цена упала — и оброк увеличился до уровня, превышавшего уровень первой половины столетия. Таким образом, можно утверждать, что денежный оброк в XVII веке оставался примерно постоянным, а причина изменения его реальной стоимости заключалась в изменении хлебных цен. Почему же менялись цены? И не могло ли их изменение повлиять не только на динамику оброка, но и на динамику барщины?

Как известно, в начале Второй польской войны, в 1654 году, правительство в целях оплаты военных расходов прибегло к выпуску медной монеты с номинальным курсом. За пять лет (1656–1661) этой монеты было выпущено на колоссальную сумму в 20 млн. рублей — и естественно, началась инфляция. Обычная цена четверти ржи в Вологде составляла около 45 копеек; к осени 1661 года цена выросла до 2,5 рублей, в январе 1663 года четверть ржи стоила 24 рубля(!). Уже с 1660 года крестьяне во многих районах отказывались продавать хлеб на медь. Хлебная торговля была полностью парализована; в 1654–1656 годах в Великом Устюге продавалось в среднем 4 тыс. четвертей ржи — в 1661 году было продано 20 четвертей! Дворяне в войсках уже не могли купить хлеб, как прежде, на деньги, которые им платило правительство, они были вынуждены брать в поход запасы своего хлеба, а чтобы получать этот хлеб, нужно было увеличивать крестьянскую барщину. Сам царь Алексей Михайлович завел в подмосковных деревнях крупное барщинное хозяйство, чтобы обеспечить хлебом своих стремянных стрельцов. Росла барщина и в старинных дворцовых хозяйствах, например, в селе Черкизово Коломенского уезда она к 1662 году увеличилась более, чем вдвое; имеют данные о таком же увеличении барщины в ряде помещичьих сел.

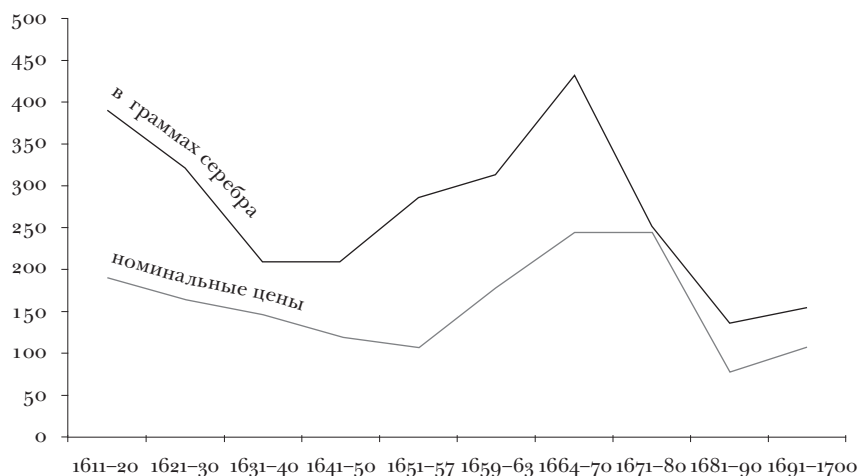

рис. 1.1. Невзвешенный индекс хлебных цен за 8-пудовую четверть для четырех культур — ржи, овса, ячменя и пшеницы (1701–1710 гг. = 100)⁵⁷.

Характерно, что в упомянутых случаях увеличение барщины не привело к уменьшению других повинностей⁵⁸.

Таким образом, резкое увеличение барщины было обусловлено экономической необходимостью, прекращением хлебной торговли. Однако это увеличение стало возможным лишь в условиях прикрепления крестьян, когда им трудно было ответить на рост эксплуатации уходом из поместья. В 1663 году правительство отменило медные деньги, и в обращение снова поступила устойчивая серебряная монета. Торговля хлебом возобновилась, но цены не вернулись к прежнему, довоенному уровню; в течение 1660-х годов они оставались на уровне, вдвое превосходящем довоенный. Причиной этого повышения цен была нехватка хлеба на рынке. Крестьяне вели натуральное хозяйство и вывозили зерно на продажу лишь для того, чтобы заплатить оброк или государственные налоги. До 1662 года основной налог, «стрелецкий хлеб», собирался с государственных («черных») крестьян деньгами, но с 1662 года его брали хлебом, что привело к резкому сокращению поставки зерна на рынок и к повышению цен. Как отмечалось выше, в начале войны в Устюге продавалось по 4 тысячи четвертей в год, а в 1663–1668 годах — только по одной тысяче четвертей. Естественно, что в условиях высоких хлебных цен помещики продолжали развивать барщинное хозяйство. В 1668–1672 годах власти собирали налоги иногда хлебом, иногда деньгами, а с 1673 года оконча-

тельно вернулись к сбору деньгами. С этого времени поставка хлеба на рынок увеличилась, в 1673–1677 годах в Устюге продавалось в среднем 3 тысячи четвертей, цены стали быстро падать и к 1680 году снизились до уровня 1640-х годов. После 1680 года падение цен продолжалось, по-видимому, вследствие поступления на рынки центральных районов большого количества зерна из осваиваемых южных областей⁵⁹. Когда цены упали в три раза, рентабельность барщинного хозяйства резко снизилась — поэтому многие помещики сократили запашку и стали покупать хлеб на рынке.

Таково, по нашему мнению, экономическое объяснение динамики барщины в XVII веке. Эти соображения могут оказаться полезными и при изучении причин восстания Степана Разина. Рост барщины, естественно, вызвал протест крестьян, ярко проявившийся в восстании 1670–71 годов. Однако уменьшение барщины, по-видимому, не было лишь следствием восстания — это в значительной мере было следствием падения цен на хлеб.

Что же касается государственных налогов, то, как видно из табл. 1.1, в 1670–1680 годах их уровень существенно вырос и достиг 0,7 пуда с души. Однако это были далеко не те налоги, которые собирали при Иване Грозном и Петре I: в 1707–1716 годах налог составлял около 4 пудов с души.

Таким образом, уровень податей и повинностей был очень низким, в несколько раз более низким, чем в другие эпохи. Нужно добавить, что в 20-х годах XVII века в отдельных районах едва ли не половину населения составляли крестьяне-«бобыли», которые формально не имели земли и не несли тягла. Это были отнюдь не разорившиеся крестьяне, а скорее поселенцы на льготе; они распахивали перелог и осваивали «пашню, лесом поросшую», земли, заброшенные в период кризиса⁶⁰. Как отмечалось выше, в челобитных, поданных царю в начале 1630-х годов помещики писали, что их крестьяне сидят на «льготе», и не платят оброков — наоборот, помещики «подмогают» крестьянам из своих средств⁶¹. Такие случаи, по-видимому, действительно имели место — ведь в условиях острой нехватки рабочей силы землевладельцы были вынуждены переманивать друг у друга крестьян и давать им большие льготы. Например, в селе Пушкино под Москвой крестьяне свыше 40 лет владели церковными землями безоброчно, льготно, и лишь в 1680-х годах стали выплачивать за них оброк⁶².

Зная уровень оброков и налогов, можно сопоставить их с возможностями крестьянского хозяйства. Попробуем сначала оценить продуктивность десятины⁶³. На озимом поле обычно сеяли рожь, на яро-

вом — овес (с небольшими добавлениями других культур), при этом нормы высева колебались в зависимости от качества земли: на хороших землях высевали меньше, на плохих больше; мы будем использовать стандартные нормы высева, применявшиеся до 1735 года в дворянском хозяйстве, а именно, 9 пудов на десятину для ржи и 12 пудов для овса⁶⁴. До данным Е. И. Индовой⁶⁵, средняя урожайность ржи во второй половине XVII века была сам-3,3, а овса — сам-3,1, таким образом, чистый сбор с десятины составлял 21 пуд ржи или 25 пудов овса, учитывая, что раз в три года десятина оставалась под паром, получим, что средняя продуктивность десятины составляла 15,3 пуда хлеба в год. Как отмечалось выше, крестьянин мог пахать 1,8 десятины на душу, поэтому сбор на душу мог составить 27,5 пудов.

Таковы были теоретические возможности среднего крестьянского хозяйства, если же в действительности крестьянин пахал меньше, но это означало, что он не нуждался в таком количестве хлеба. После вычета 3,5–4,5 пудов оброка и налога у крестьянина, использующего свои возможности, оставалось на потребление примерно 24 пуда. Считается, что минимальная норма потребления в пищу — это примерно 15,5 пудов, и кроме того, в случае нехватки сенокосов какое-то количество зерна расходуется на корм скоту⁶⁶. Однако в XVII веке пастбищ было более чем достаточно, поэтому можно считать, что в среднем крестьянском хозяйстве мог существовать ежегодный излишек хлеба в 9 пудов на душу. Барщинные крестьяне не платили оброк, но пахали на помещика около 0,4 десятины на душу; следовательно они могли пахать на себя 1,4 десятины, и собирать с них 21,5 пудов хлеба. После вычета налогов у них оставалось на потребление примерно 21 пуд хлеба на душу населения.

Конечно, этот расчет является сугубо ориентировочным и приблизительным, мы не учитываем некоторых второстепенных расходов крестьянского хозяйства, например, покупки соли, платы приказчикам и мирских сборов. Но с другой стороны, также не учитываются и доходы от скотоводства, леса, рыбной ловли, которые, вероятно, компенсируют эти расходы.

Таким образом, имеются основания полагать, что крестьяне XVII века жили довольно зажиточно. Это подтверждается имеющимися статистическими сведениями по отдельным районам. А. Х. Горфункель, изучавший хозяйственную жизнь Кирилло-Белозерского монастыря, назвал время после Смуты «золотым веком» монастырского крестьянства⁶⁷. По подсчетам П. А. Колесникова, средний сбор на душу населения в 1620 годы в Тотемском уезде составлял 28–32 пуда⁶⁸. По некоторым данным, в 1680–90-х годах в монастырс-

ких селах центральных уездов обычное хозяйство имело от 2 до 5 лошадей, у помещичьих крестьян в среднем было 2,2–2,6 лошади, 1–2 коровы⁶⁹. В Старорусском уезде в 1660-х годах на двор приходилось 2–3 лошади, 4–5 коров⁷⁰. В вотчинах Псково-Печерского монастыря в 1639 году средний двор при населенности 5–6 человек имел 3–4 лошади, 4 коровы⁷¹. Даже крестьяне, бежавшие в 1660-х годах из центральных районов на юг, оказывается, отнюдь не были бедняками: они имели на двор в среднем по 3 лошади и 2 коровы⁷².

Эти данные согласуются с впечатлением западных путешественников; Олеарий свидетельствует о «громадном изобилии хлеба и пастбищ», о больших пространствах свободных плодородных земель, о том, что в России редко приходится слышать о дороговизне⁷³. Как видно из рис. 1.1, индекс хлебных цен (в особенности цен в себре) резко упал сразу же по окончании Смуты и продолжал падать до середины столетия. Подъем цен в 1657–1670-х годах был связан с войной и инфляционной политикой правительства, а затем цены снова упали, причем их реальный уровень в конце столетия был ниже, чем в 1630-х годах — это говорит о том, что *посевные площади росли быстрее, чем население*. Много повидавший Юрий Крижанич писал, что на Руси «крестьянам... живется намного лучше, нежели во многих местах Греческой, Испанской и других подобных земель, в которых кое-где мясо, а кое-где рыба слишком дороги, а дрова продаются на вес... Ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо и нигде не имеют таких прав, как здесь»⁷⁴. «Ведь всем известно, — продолжает Крижанич, — что в нашем королевстве крестьяне устроены гораздо лучше, чем в некоторых соседних странах, где боярские люди и воины безнаказанно обижают земледельцев»⁷⁵.

Высокий уровень жизни крестьян нашел отражение в высокой оплате сельскохозяйственных рабочих. Запросы поденщиков в 1630-х годах были столь велики, что монахи Иосифо-Волоколамского монастыря не могли подрядить крестьян для обработки своей пашни. «Люди стали огурливы, в слободу посылаем для жнецов нанять, и никто из нойму не идет, не страшатся никово», — жаловались монахи⁷⁶. Не шли работные люди и на Тульские заводы — так что правительству пришлось обязать крестьян соседних деревень работать определенное число дней взамен уплаты обычных налогов (это была практика, аналогичная существовавшей у турок)⁷⁷. В таблице 1.4. приведены некоторые данные об оплате сельскохозяйственных и городских рабочих.

Р. Хелли собрал большое число данных о заработной плате неквалифицированных рабочих в 1635–1725 годах⁷⁸. Большинство

этих данных, однако, относится к олонецким медеплавильным заводам и к короткому промежутку 1669–1674 годов. Если исключить весьма специфические олонецкие данные, то окажется, что средняя поденная плата на протяжении столетия составляла 5 копеек (10 денег)⁷⁹. Р. Хелли определяет среднюю цену ржи в этот период в 58 коп. за четверть⁸⁰, не учитывая изменения размеров четверти, которая в 1678 году была увеличена с 6 до 8 пудов. Поскольку медианная цена Р. Хелли учитывает экстремально высокие цены периода медной инфляции (и высокие цены Поморья), то она представляется существенно завышенной, тем не менее, приняв эту цену, мы получим, что хлебный эквивалент поденной платы составлял от 8,5 кг (при 6-пудовой четверти) до 11,3 кг (при 8-пудовой четверти) ржи.

Эти данные согласуются с имеющимися сведениям о динамике потребления в европейских странах. Практически повсюду в Европе поденная плата в начале второго европейского демографического цикла (в начале XVI века) в пересчете на хлеб составляла 9–12 кг, а в конце столетия (и в конце цикла) — 3,5–4,5 кг⁸¹. Таким образом, российский уровень поденной платы соответствовал обычному уровню начала демографического цикла и был относительно высоким.

Данные Р. Хелли не дают представления о динамике реальной заработной платы. Данных, когда заработную плату можно сопоставить с ценами на зерно, не так много; в таблице 1.4. приведены некоторые из них.

Как видно из этой таблицы, в середине XVII века поденная плата составляла около 10 кг хлеба, затем, в период инфляции и во время последующего периода высоких цен (1654–1679 гг.), она уменьшилась примерно до 6 кг, но с последующим падением цен в конце XVII века заработная плата увеличилась до 14 кг. В 1674 году пуд говядины стоил 56 денег⁸², и чернорабочий на дневную плату в 15 денег мог купить примерно 4 кг мяса — притом, что 1674 год — это было далеко не лучшее для страны время.

Итак, состояние России после Великой Смуты было подобно состоянию Европы после кризиса XIV века: обширные пространства опустевших земель, разоренные, полувывершие города, государство, которое требуется вновь восстанавливать — но вместе с тем изобилие земли, лесов, природных богатств, которые достались в наследство немногим уцелевшим. Подобно американским фермерам крестьяне могли вновь осваивать свою страну, могли пахать, сколько захочется, и ни помещики, ни слабое государство пока не осмеливались притеснять их, опасаясь нового восстания. Постепенно крестьяне стали возвращаться в свои родные места, основывать но-

Табл. 1.4. Поденная плата рабочих в XVII веке⁸³.

<i>Годы</i>	<i>Район</i>	<i>Выполняемые работы или квалификация нанимаемого работника</i>	<i>Плата в деньгах</i>	<i>Цена «юфти» (денег)</i>	<i>Плата в кг хлеба</i>
1640	Подмосковье	Расчистка леса	12	200	9,6
1641	Подмосковье	Жатва	8	200	6,4
1642	Подмосковье	Молотьба	11	200	8,8
1640-е	Подмосковье	Косцы	20	200	16,0
1640-е	Москва	Чернорабочие	11	200	8,8
1646	Архангельск	Каменщик	10	200	8,0
1647	Тульские заводы	Чернорабочий	10	200	8,0
сер. XVII в.	Москва	Каменщик	12	200	8,0–9,6
сер. XVII в.	Москва	Портной	10	200	8,0
сер. XVII в.	Москва	Плотник	10	200	8,0
<i>Средняя оплата сер. XVII в.</i>					<i>9,1</i>
1666–70	Подмосковье	Косцы	12	350	5,5
1666–70	Подмосковье	Расчистка леса	14	350	6,4
1669	Измайлово	Чернорабочие на строительстве	15	350	6,9
1677	Подмосковье	Расчистка прудов	10	220	7,3
1670-е	Подмосковье	Носильщик в каменоломнях	6	220	4,4
<i>Средняя оплата 1660–70-е гг.</i>					<i>6,1</i>
1690	Тульские заводы	Чернорабочие	10	150	14,2
1690-е	Москва	Чернорабочие	10	150	14,2
1698–99	Подмосковье	Косцы	13	150	18,6
кон. XVII в.	Москва	Портной	10	150	14,2
кон. XVII в.	Москва	Каменщик	8	150	11,4
кон. XVII в.	Москва	Плотник	10	150	14,2
<i>Средняя оплата кон. XVII в.</i>					<i>14,5</i>

вые деревни и расчищать лес под пашню. Московское государство постепенно «пополнялось» и «приходило в достоинство», и люди за «многое время тишины и покоя», по выражению источника, «в животах своих пополнились гораздо»⁸⁴. В 1646–1678 годах численность населения (без учета территориальных приращений) возросла с 4,5–5 до 8,6 млн. На Новгородчине в этот период население увеличилось более чем в два раза (но все еще оставалось на треть меньше, чем в 1500 году)⁸⁵.

Быстрому росту населения не помешала и эпидемия чумы 1654 года, которая была принесена из Персии, и данные о числе жертв которой сильно преувеличивались современниками⁸⁶. Олеарий отмечает, что, в целом эпидемии были на Руси редкостью: «Что касается Московской области и пограничных с нею, то здесь вообще воздух свежий и здоровой, как свидетельствуют все жители... здесь мало слышали об эпидемических заболеваниях или моровых поветриях, да и встречаются здесь зачастую весьма старые люди»⁸⁷.

Огромную роль в процессе восстановления экономики сыграло строительство 800-километровой «Белгородской черты», которая должна была защитить южные области от татарских набегов и обеспечить возможность земледельческого освоения обширных территорий. Строительство укрепленной линии продолжалось 12 лет (1635–1646 годы), на «черте» было построено 23 города-крепости, несколько десятков острогов, пять больших земляных валов, протяженностью по 25–30 км каждый. В 1648–1654 годах была создана «Симбирская черта», продолжившая укрепленную линию до берега Волги.

В 1642–1648 годах в уездах, расположенных вдоль «Белгородской черты», большинство крестьян было отписано на государя и зачислено во вновь созданные драгунские полки. Крестьяне были освобождены от податей, они жили в своих деревнях, пахали землю, и раз в неделю проходили военное обучение. Казна обеспечивала драгун оружием, и они должны были нести на «черте» сторожевую службу⁸⁸. Нехватка солдат заставляла зачислять в полки всех желающих, даже беглецов из центральных районов⁸⁹ — поэтому сюда держали путь многие беглые. Белгородчина была изобильным краем: урожайность ржи на юге была в 2–3 раза выше, чем в центральных районах, и запасы хлеба в хозяйствах служилых людей в среднем (по 45 известным описям) составляли около 500 пудов (на год человеку хватало 15 пудов)⁹⁰. В 1639–1642 годах власти предлагали платить за работу на жатве 7–10 денег в день, что в пересчете на зерно составляет 14–20 кг. Это была щедрая плата, в два раза больше, чем платили в Подмоскovie — однако зажиточные крестьяне юга не желали работать и за эту пла-

ту⁹¹. Если бы не постоянные войны и татарские набеги, то многие могли бы позавидовать жизни поселенцев юга.

В 1678 году в Черноземном центре проживало уже 1,8 млн. человек, в то время как в старом Нечерноземном центре — 3,5 млн. На Белгородчине насчитывалось 260 тысяч не имевших крепостных боярских детей-«однодворцев» (с семьями), поставлявших в войско 40 тысяч солдат, драгун, рейтар⁹². У служилых людей были крепкие хозяйства: на двор в среднем приходилось 3 лошади и 4 коровы. Небедно жили и дворцовые крестьяне: в Тамбовском уезде большинство дворов имело 2–3 лошади, 2–3 коровы и с избытком обеспечивало себя хлебом⁹³.

«Белгородская черта» стала надежным препятствием на пути татарских набегов. Хотя татары многократно опустошали Белгородчину, им ни разу не удалось прорваться за «черту». С середины XVII века началась прочная колонизация южных областей; сюда устремился поток переселенцев из центральных районов. Со времени строительства «черты» до конца XVII века запашка в южных уездах возросла в 7 раз⁹⁴. Благодаря этому, говорилось в докладе Разрядного приказа в 1681 году, «в Московском государстве хлеба и съестных запасов учинилось множество и покупке всего цена дешевая...»⁹⁵.

Это были процессы огромного значения, ведь оттесненное татарами в северные леса русское крестьянство веками пыталось выйти в черноземные степи. После побед Ивана Грозного Русь продвинулась за Оку в верховья Дона — но во время Смуты татары отбросили поселенцев назад в северные леса. Теперь России наконец-то удалось закрепиться в южных степях; это означало, что мощь русского государства будет расти за счет освоения новых плодородных земель. Скученное на севере население получило возможность переселяться на юг, и угроза нового перенаселения отодвигалась на столетия. С точки зрения демографически-структурной теории, процесс колонизации означал расширение экологической ниши — увеличение средств существования (means of subsistence), следствием которого должны были стать уменьшение цен и увеличение реальной заработной платы — те явления, которые действительно отмечались в конце XVII века. Классическая теория демографических циклов делит цикл на три периода: периоды восстановления, Сжатия и экосоциального кризиса. *В российском случае вслед за периодом восстановления начался период расширения экологической ниши, период колонизации новых земель, период роста — поэтому демографический цикл оказался намного длиннее обычного, он продолжался около трехсот лет.*

1.3. ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРЯНСТВА

Положение высшего слоя элиты, боярской аристократии, в период Смуты и после нее претерпело существенные изменения. Дьяк Котошихин, писавший в середине XVII века, свидетельствует, что к тому времени «прежние большие роды многие без остатку миновались»⁹⁶. Переход на сторону королевича Владислава привел к окончательной утрате авторитета «старшими боярами», и после коронации Михаила на сцену вышло новое боярство из среды участников ополчения. Эта новая знать получила от царя поместья и вотчины, но она была немногочисленна, и ее земельные владения не могли сравниться с вотчинами бояр XVI века или с владениями екатерининских вельмож. По росписи 1638 года лишь 14 бояр имели свыше 500 крестьянских дворов, причем их владения были разбросаны по многим уездам⁹⁷. Новая знать была сильна главным образом своим положением на государственной службе. «Наследственной аристократии, высшего сословия не было, — писал С. М. Соловьев, — были чины: бояре, окольные, казначей, думные дьяки...»⁹⁸.

Бояре до некоторой степени сохраняли свое влияние потому, что они исполняли должности воевод-наместников и руководили судами. При Иване Грозном наместничества были упразднены, и суд был передан губным и земским старостам; наместники сохранились лишь в пограничных областях. Во время Смуты (когда вся страна стала пограничьем) воеводства были восстановлены, и административная система вернулась к временам далекого прошлого. Однако теперь воеводы не получали ни жалования от государства, ни установленных «кормов» от населения; они жили «добровольными» подношениями и, естественно, вымогали эти подношения с помощью неправого суда и всяческих злоупотреблений. Так же, как и прежде, правительство меняло воевод каждые один — два года — но это не спасало население от вымогательств⁹⁹.

После Смуты государство находилось в таком же состоянии разрухи, как и экономика. Российская государственная система была в свое время заимствована у Османской империи; ее принцип состоял в том, что крестьяне, имеющие стандартные наделы («выти»), содержат воинов, имеющих небольшие, но достаточные для снаряжения на войну поместья. Кроме поместных имелись также государственные и дворцовые земли, доходы с которых полностью принадлежали казне. Система базировалась на проведении регулярных земельных переписей и на выплате поземельных налогов — это было в своем роде уникальное административное сооружение,

равного которому не было в тогдашней Европе. Две катастрофы — 1568–1572 и 1601–1618 годов — полностью разрушили эту государственную систему. Крестьяне добились резкого снижения налогов и оброков — и это обернулось оскудением казны и военного сословия, дворянства.

В прежние времена государство следило, чтобы войны были обеспечены поместьями достаточных размеров; в середине XVI века рядовой служилый на Новгородчине имел 20–25 крестьянских дворов. После Смуты положение резко изменилось. Помещики Шелонской пятины в 1626–1627 годах имели в среднем по 3,8 двора и по 6,2 душ мужского пола на владение, 35% владений стояли пустыми. Лишь самое богатое, московское дворянство в 1632 году имело на одно поместье (или вотчину) в среднем 24 крестьянина, включая бобылей¹⁰⁰. Уход крестьян доводил некоторых помещиков до отчаяния. «Государь нас не жалует, крестьян из-за нас велит выводить, — говорил ливенский помещик Авдей Яковлев, — нас в заговоре человек пятьсот: кто из-за нас крестьян выводит, у тех мы вотчины выжжем, а крестьян побьем, и пойдем до другого государя»¹⁰¹. Яковлева можно было понять: учитывая, что оброки сократились в 2–3 раза, доходы помещиков уменьшились примерно в 10 раз. Петр Петрей отмечал, что первое время после Смуты многие дворяне ходили в лаптях — так же, как и крестьяне¹⁰². Как отмечалось выше, в 1580-х годах в списках имелось 80 тыс. воинов, из них 65 тыс. ежегодно выходили на южную границу. По сметному списку 1630 года числилось 27 тыс. служилых дворян, из них лишь 15 тыс. воинов могли нести полевую службу; остальные были не в состоянии снарядиться в поход и сидели в гарнизонах по своим городам¹⁰³. Чтобы как-то поддержать этих служивых, один раз в пять лет им выдавали денежное жалование. В 1648 году давали по 13 рублей¹⁰⁴; эта сумма была эквивалентна 130 пудам хлеба или примерно годовому доходу крестьянского хозяйства — и только.

Таким образом, хотя численность дворянства резко сократилась, социально-экономическое равновесие в структуре «государство — элита — народ» не было восстановлено в полной мере. Доходы дворянства оставались крайне низкими, и дворянство требовало улучшения своего положения путем более строгого прикрепления крестьян к земле — реального введения крепостного права. Эти требования усиливались диффузионными процессами, выразившимися в стремлении подражать Польше. Продемонстрированное в годы Смуты, а затем в Смоленскую войну военное превосходство Польши побуждало к заимствованию ее порядков — в том числе и крепостного

права. Польские порядки были настолько привлекательны для дворянства, что после окончания войны, на переговорах о совместных действиях против турок, князь Голицын говорил, что «русским людям служить вместе с королевскими нельзя ради их прелести, одно лето побывают с ними на службе, и у нас на другое лето не останется и половины лучших русских людей...»¹⁰⁵. Князь Иван Хворостинин в 1632 году перешел в католичество, наряжался польским гусаром и собирался отъехать в Литву. В соответствии с фразеологией «свободной» шляхты он называл царя «деспотом русским»¹⁰⁶. За границей знали о симпатиях русских дворян к Польше: «Главная причина мира великого князя с Польшей — неуверенность в верности подданных, поскольку они связаны клятвой Польше», — говорится в протоколе шведского риксрода¹⁰⁷.

Период после окончания Смоленской войны стал временем дворянского наступления на правительство. Как отмечалось выше, дворяне начали предъявлять свои требования еще перед войной, и им удалось добиться многократного снижения налогов со своих крестьян. «Начавшееся еще перед войной движение дворян не прекращалось и приобретало все более широкие и опасные формы, — отмечал П. П. Смирнов. — К этому полуприкрытому мятежу подчас присоединялись черные слободы и сотни...»¹⁰⁸. Дело в том, что облегчив обложение поместных и вотчинных крестьян, правительство было вынуждено увеличить обложение «черных» посадских людей. Между тем в посадах складывалась та же ситуация, что и на селе; здесь существовали освобожденные от посадского тягла («беломестные») боярские и монастырские слободы, куда, стремясь жить на «льготе», уходили посадские люди. Чем больше купцов и ремесленников уходило в слободы, тем больше налогов приходилось платить оставшимся — и естественно, посадские люди требовали включения слобод в «тягло». Посадские общины жаловались на бояр и на монастыри, уводивших у них тяглецов, — однако жалобы попадали в воеводские или в московские суды, где сидели бояре, владельцы «беломестных» слобод. Точно также и дворяне жаловались на бояр и на монастыри, уводившие у них крестьян, — но жалобы попадали к тем же боярам.

После смерти Филарета не стало той сильной руки, которая сдерживала проявление недовольства. Началось время коллективных челобитий, своеобразное «петиционное движение»¹⁰⁹, в котором дворяне и поместные люди все энергичнее высказывали свои требования. Ослабевшее правительство было вынуждено возобновить созыв Земских Соборов — но на эти соборы уже не приглашали представителей от крестьян, новая монархия постепенно теряла народный ха-

ракти. На Соборе 1637 года дворяне обратились к царю с петицией, жалуясь на то, что в то время как они пребывают на службе, крестьяне из их поместий и вотчин бегут за монастыри, за московских сильных людей, а если дело дойдет до суда, то в приказах волочат по пять, по десять лет и больше. В конце концов беглые крестьяне из урочных лет выходят, и поместья остаются пустыми¹¹⁰. Дворяне требовали облегчить службу, открыть в городах выборные суды и установить бессрочный сыск беглых. По этой челобитной дворянам было разрешено являться в ополчение по очереди, через год, а срок сыска беглых крестьян («урочные лета») был увеличен с пяти до девяти лет¹¹¹. «Помещикам понадобилось около десяти лет натиска на правительство, чтобы уничтожить урочные лета, причем выступления армии были весьма бурными», — пишет Д. А. Высоцкий¹¹². В 1641 году собравшееся в Москве (по случаю ожидавшейся войны с Турцией) поместное ополчение подняло настоящий мятеж. Современник сообщает, что служилые люди «завели на Москве рокош»¹¹³; 11 июля они с «большим шумом» ломались в царский дворец, чтобы подать петицию от имени дворян 44 городов¹¹⁴. Здесь впервые упоминается характерное слово «рокош» — так называли вооруженные мятежи польских и венгерских дворян, мятежи, результатом которых было закрепощение крестьян и установление шляхетских «свобод». Таким образом, события развивались по хорошо известному восточноевропейскому сценарию.

В 1642 году в Москве собрался Земский Собор для обсуждения вопроса о турецкой войне. На Соборе сословия снова предъявили свои претензии властям. Посадские люди жаловались на иноземцев, которые отняли их торговлю, и на неправый суд воевод; депутаты вспоминали, что «при прежних государях в городах ведали губные старосты, а посадские люди судились сами собой, воевод в городах не было»¹¹⁵. Дворяне снова жаловались на свою бедность, советовали послать в Азов стрельцов и выказывали свое нежелание воевать. Правительство было вынуждено отказаться от своих планов и вернуть туркам занятый казаками Азов. Летом 1645 году умер царь Михаил Федорович, и в сентябре состоялась коронация его 16-летнего сына Алексея. На эту коронацию прибыли тысячи дворян — почти все поместное ополчение; дворяне снова потребовали установления бессрочного сыска и отмены «урочных лет»¹¹⁶. Юный царь неуверенно чувствовал себя на престоле и не мог отказать. Дворянам было дано обещание, что «как крестьян и бобылей и дворы их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки без урочных лет»¹¹⁷.

Таким образом, дворянство добилось реального введения крепостного права — той цели, к которой оно стремилось с 1580-х годов. Следует отметить, однако, что еще до введения крепостного права, по мере преодоления хозяйственной разрухи (и, может быть, в связи с увеличением «урочных лет») положение дворянства постепенно улучшалось. В 1646 году в Шелонской пятине на одно владение приходилось уже 6,8 двора и 22,1 душ мужского пола, а количество пустых поместий сократилось до 14%. Общая численность служилых дворян в России увеличилась с 27 тыс. в 1630 году до 39 тыс. человек в 1651 году¹¹⁸.

1.4. ИСТОКИ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Историю любой страны нельзя рассматривать в отрыве от мировой истории. Одним из примеров того, как внешнее диффузионное воздействие изменяет судьбу нации, являются реформы Петра Великого. Однако влияние Европы на развитие России стало проявляться задолго до Петра, и уже при первых Романовых начались реформы, призванные приблизить Россию к Европе.

Истоки реформ лежали в техническом и культурном превосходстве Запада, поэтому необходимо сделать отступление и остановиться на том, в чем проявлялось это превосходство. Если говорить о технике, то крупнейшими западными достижениями того времени были изобретение доменных печей, литье чугуна и получение из него железа, применение водяных колес на мануфактурах и создание океанских кораблей — галионов и флейтов. Эти три *фундаментальных открытия* определили тот триединый облик, в котором предстал перед Россией Запад: чугун и железо — это были пушки и мушкеты, это были полки нового строя, перед которыми была бессильна средневековая русская конница. Мануфактуры — это были дешевые и добротные ткани для обмундирования новой армии, стеклянная посуда, бумага и другие полезные предметы. Корабль выступал как символ торговли, это была возможность продавать свои товары и покупать мушкеты, ткани и всякие заморские «диловины».

Новые океанские парусные корабли — знаменитые флейты — были созданием голландских корабелов из Саардама. С появлением флейта стали возможны массовые перевозки невиданных прежде масштабов, и голландцы превратились в народ мореходов и купцов; им принадлежали 15 тысяч кораблей, втрое больше, чем остальным европейским народам. Началась эпоха мировой торговли, которая не-

узнаваемо преобразила многие государства и страны. Посредническая торговля — это был совершенно особый вид торговли, схожий с торговой интервенцией: голландцы обладали огромными капиталами и средствами давления на правительства — ведь они имели европейское оружие и господствовали на море. Таким образом, голландские купцы могли добиться торговых привилегий и в некоторых случаях получали возможность организовывать крупномасштабную скупку местных товаров непосредственно у производителей. Торговая интервенция насильно приобщала народы к мировому рынку, и — в соответствии с мир-системной теорией И. Валлерстайна — мировой рынок начинал диктовать свою волю. Влияние мировой торговли было многообразным: она позволила обеспечить хлебом население растущих промышленных городов в Голландии, она же породила развитие плантационного хозяйства и рабства в Америке, а также распространение фольварков и крепостного права в Прибалтике. Полторы тысячи голландских кораблей ежегодно вывозили из Данцига около 100 тысяч ластов (примерно 200 тыс. тонн) хлеба; голландские купцы предлагали за этот хлеб всю роскошь Запада и Востока — и польские паны расширяли свои фольварки, гнали крестьян на барщину, вводили порядки, близко напоминавшие плантационное рабство.

Мировой рынок означал для одних рабство, а для других — процветание. Колоссальные прибыли от монопольной посреднической торговли подарили Голландии богатства, сделавшие ее символом буржуазного преуспеяния. Голландия стала примером, вызвавшим подражание всей Европы, — в соответствии с теорией культурных кругов, фундаментальное открытие, флейт, породило распространяющуюся по миру диффузионную волну. *Главными компонентами голландского культурного круга были океанские корабли, морская торговля и торгово-промышленное предпринимательство, а в политической сфере — правление купеческой олигархии.* В некоторых районах Азии, где техническое превосходство голландцев ощущалось наиболее сильно, эта волна привела к основанию голландских колоний. В Европе распространение голландских инноваций приняло в основном характер мирной диффузии. Почти каждое европейское государство стремилось по голландскому образцу завести свой флот, основать торговые компании и вступить в торговлю с дальними странами, и конечно, без корыстных голландских посредников. В 1651 году Англия запретила ввоз в страну товаров на голландских судах, затем этому примеру последовала Франция. Министр Людовика XIV Жан-Батист Кольбер осуществил масштабное преобразование французс-

кой промышленности по голландскому образцу, построил сотни мануфактур и создал французский флот. Эти реформы резко усилили экономическую и военную мощь Франции, и будучи крупнейшим государством Европы, Франция начала претендовать на европейскую гегемонию. Победы Людовика XIV побудили и другие страны вступить на путь реформ. Распространяясь по Европе, диффузионная волна достигла Пруссии и Австрии — здесь тоже строили мануфактуры, пытались создать свой флот, и, подражая не только Голландии, но и Людовику XIV, строили дворцы, подобные Версалю. Далее наступила очередь России; С. М. Соловьев писал, что *основное движение российской преобразовательной эпохи — это начатое Кольбером движение подражания Голландии*¹¹⁹.

В то время как одни страны пытались изгнать голландцев, другие старались использовать их опыт и капиталы. Дело в том, что голландские купцы эксплуатировали не только торговые, но и промышленные возможности других стран. Они не просто покупали товары, они создавали плантации, на которых производили табак или сахарный тростник, они разрабатывали рудные месторождения и строили горные заводы. В наше время эту политику назвали бы политикой привлечения иностранных инвестиций; пример такой политики показывала Швеция.

Швеция в те времена была бедной сельской страной с населением менее 1 млн. жителей; в этой стране снегов и лесов был лишь один значительный город, Стокгольм, в котором жили по большей части немецкие купцы. Швеция сохраняла патриархальные обычаи раннего Средневековья: шведские крестьяне были свободными людьми, они владели землей и имели право носить оружие. Каждый зажиточный бонд (землевладелец) мог записаться в дворянское сословие и стать рыцарем («фрельсе»); а основную часть войска составляло крестьянское ополчение — надо сказать, что Швеция была единственной страной Европы, где сохранилась всеобщая воинская повинность; по традиции, в феодальных странах война была делом рыцарей и наемников.

Швеция была богата железными и медными рудами, но до начала XVII века производство металла было невелико, а металлургическая техника была архаической. Ситуация изменилась с приходом к власти короля Густава Адольфа (1611–1632), который положил начало реформам, изменившим облик страны. Густава Адольфа (наряду с Кольбером) называют одним из основателей доктрины «просвещенного абсолютизма»; он был одним из первых монархов, проводивших целенаправленную политику реформ по голландскому об-

разцу. Густав Адольф настойчиво приглашал в Швецию голландских капиталистов, им сдавались в аренду рудные месторождения, шахты, горные заводы и зачастую давались монопольные права на производство и вывоз железа и меди. В 1618 году крупнейший голландский финансист Луи де Геер при посредничестве горного инженера Вильяма Беше взял в аренду железные рудники Финспанга; с этого времени началось быстрое техническое перевооружение шведской металлургии. Из крупнейшего металлургического центра Европы, Льежа, были выписаны сотни мастеров, которые строили большие «французские» домны и вводили «валлонскую» ковку. Мощные воздуходувные устройства новых домен работали от водяных колес, и производительность увеличилась в два раза — до 2,2 тонны чугуна в сутки. Одновременно другой голландский промышленник, Гуверт Силентц, модернизировал медные рудники и заводы Фалуна, обеспечив резкое улучшение качества медного литья. Необходимо подчеркнуть, что вводимая в металлургии новая технология требовала очень больших капиталовложений и ее внедрение было невозможно без привлечения иностранных капиталов и иностранных специалистов¹²⁰.

Голландские промышленники строили горные заводы в расчете на собственную прибыль: они получали ее за счет вывоза шведского металла и выкованного из него оружия. Король получал свою долю прибыли в виде пошлин с экспорта — однако вскоре выяснилось, что выгода государства заключается не только в пошлинах. Улучшение качества литья послужило толчком к быстрым и решительным переменам в военном деле, к тому впечатляющему процессу, который получил название военной революции¹²¹. Эта революция была связана прежде всего с появлением легкой артиллерии. В прежние времена качество литья было плохим, и это вынуждало делать стенки ствола настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя. Французская 3-фунтовая (стрелявшая ядрами в 3 фунта) пушка весила 30 пудов и требовала запряжки из 4 лошадей — притом, что скорострельность и боевая эффективность этого орудия были очень низкими. Густав Адольф сразу же осознал, какие перспективы открывает перед Швецией улучшение качества литья, и преступил к целенаправленным работам по созданию *нового оружия*. Эти работы продолжались десятки лет; были выписаны лучшие оружейники Европы; король сам давал им технические задания и проводил испытания новых орудий на полигоне близ Стокгольма. В 1626 году Мельхиор Вумбрант создал так называемую кожаную пушку: тонкий медный ствол обматывался кана-

тами и закрывался кожаным чехлом; эти 3-фунтовые пушки весили 7 пудов — они были в четыре раза легче прежних орудий. Но «кожаные пушки» быстро перегревались и выходили из строя; поэтому шведские оружейники продолжали свои эксперименты, и в 1629 году было создано всепобеждающее новое оружие — «полковая пушка», «*regementsstycke*»¹²².

В отличие от «кожаной пушки» «*regementsstycke*» представляла собой цельнолитое медное орудие — при том же 3-фунтовом калибре эта пушка имела вес в 7–8 пудов. «Полковую пушку» могла везти одна лошадь; два — три солдата могли катить ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты — и таким образом, пехота получала постоянную огневую поддержку. Стенки ствола «полковой пушки» были настолько тонкими, что она не могла стрелять ядрами — секрет «*regementsstycke*» состоял в том, что это была первая пушка, предназначенная для стрельбы картечью. Картечь изредка использовалась и ранее, но ее применение вызывало трудности при зарядании. Шведские оружейники создали зарядный патрон — плотный матерчатый мешок, куда помещались картечь и порох. Благодаря применению патронов «полковая пушка» обладала невиданной скорострельностью: она делала до шести выстрелов в минуту и буквально засыпала противника картечью¹²³.

«Полковая пушка» стала основным оружием шведской армии в Тридцатилетней войне; каждому полку было придано несколько таких пушек. Но шведские литейщики продолжали совершенствовать свое искусство, и к середине XVII века на заводах де Геера научились отливать легкие чугунные пушки. Эти 4-фунтовые орудия имели более толстые стенки ствола и весили 16–19 пудов; чугунные пушки могли стрелять ядрами, однако для их перевозки требовалась запряжка из двух лошадей, и они были менее мобильными. Но чугунные пушки были *в десять раз* дешевле медных, и де Геер мог отливать в год тысячи таких пушек. Швеция стала великой артиллерийской державой¹²⁴.

После изобретения «*regementsstycke*» в руках Густава Адольфа оказалось новое оружие — но нужно было создать армию, которая смогла бы использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной, в 1623 году доход королевства составлял 1,6 млн. рейхсталеров, на эти деньги можно было содержать не более 15 тысяч наемников. Естественный выход из финансовых затруднений состоял в использовании уникального шведского института, всеобщей воинской повинности. Густав Адольф упорядочил несение этой повинности, в армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин и срок службы был установлен в 20 лет¹²⁵.

В 1626–1630 годах Густав Адольф призвал в войска 50 тыс. рекрутов; таким образом, была создана *первая в Европе регулярная армия*. Однако финансовая проблема была решена лишь отчасти. Содержание постоянной армии требовало огромных затрат, и Густав Адольф испробовал различные способы решения этой проблемы. Он создавал монопольные государственные компании, строил корабли и старался наладить морскую торговлю в обход голландцев. В 1624 году король провел первую в Швеции земельную перепись и ввел поземельный налог. В Западной Европе еще не проводилось подобных переписей, и само собой напрашивается предположение, что Густав Адольф заимствовал эту идею из России. По-видимому, из России была заимствована и идея монополизации хлебной торговли: в 1629 году король скупил весь ливонский хлеб — около 14 тыс. ластов — по назначенной им цене, а затем перепродал его в Амстердаме вдвое дороже¹²⁶.

В конце концов Густав Адольф разрешил финансовую проблему путем чеканки медных денег с высокой номинальной стоимостью; он первый стал эксплуатировать монетную регалию, заявляя, что деньги, каковы бы они ни были, имеют ценность только благодаря власти короля, выраженной в наложенном на монету штемпеле. Медные деньги позволили Густаву Адольфу дополнить призывные контингенты наемниками и создать невиданную по тем временам 80-тысячную армию, вооруженную полковыми пушками и облегченными мушкетами¹²⁷.

Создание легких пушек и регулярной армии породило волну шведских завоеваний. В 1630 году шведские войска высадились в Германии, а год спустя в битве при Брейтенфельде шведские пушки расстреляли армию императора Фердинанда II. Шведы стали хозяевами Центральной Европы, за двадцать лет войны было сожжено 20 тысяч городов и деревень, погибло $\frac{2}{3}$ населения Германии.

Как отмечалось в первой части этой работы, создание «полковой пушки» и дальнейшие реформы Густава Адольфа послужили для историков материалом для создания теории военной революции. Как полагает Майкл Робертс, военная революция изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий означало необходимость перестройки финансовой системы европейских государств, необходимость увеличения налогов, что вело к росту бюрократии и усилению королевской власти. Рождение новой армии должно было привести к утрате дворянством положения военного сословия и к значительным изменениям в социальной структуре общества¹²⁸.

В контексте теории диффузионизма «полковая пушка» была новым фундаментальным открытием, породившим волну завоеваний и создание *нового «культурного круга»*, основными компонентами которого были *металлургические заводы, пушки, регулярная армия и абсолютизм шведского образца*. Этот культурный круг в первую очередь распространился на германские государства, которые стали объектом шведской агрессии. Во второй половине XVII века в немецких землях стали налаживать производство гаубиц шведского образца, но перенимание технологии было непростой задачей и немецкие 3-фунтовые орудия были более тяжелыми, чем шведские — они весили около 15 пудов¹²⁹. Одновременно решалась задача финансирования новой армии — и решалась она таким образом, который способствовал установлению абсолютизма. В 1653 году «великий курфюрст» Бранденбурга Фридрих Вильгельм добился от ландтага права на бесконтрольное расходование средств, полученных от прямой подати; после этого ландтаг стал не нужен курфюрсту и больше не созывался. «Великий курфюрст» стал абсолютным монархом, создавшим сильную армию, которая в 1675 году разбила шведов при Фербеллине — это была «прусская Полтава», показавшая, что, переняв новое оружие противника, можно остановить его дальнейшее наступление¹³⁰.

Естественно, что происходившие на Западе революционные перемены не могли обойти стороной Россию. Регулярная армия и мировой рынок — это были два лика Запада, обращенные к России, это были два Вызова — и России предстояло найти Ответ.

1.5. ПЕРВЫЕ РЕФОРМЫ

Когда в ноябре 1631 года в Москву пришло известие о победе при Брейтенфельде, царь Михаил Федорович распорядился произвести салют и устроить народные гуляния. Швеция была союзником России в давней борьбе с Польшей, и успехи Густава Адольфа позволяли надеяться, что после быстрого окончания германской кампании шведы и русские вместе обратятся против поляков. В надежде на этот союз Москва оказывала прямую поддержку Густаву Адольфу: с 1628 года русская казна беспощадно продавала Швеции от 3 до 5 тысяч ластов хлеба в год. Разница в ценах на хлеб в России и в Европе была такова, что эта «продажа» в действительности была подарком: шведы покупали хлеб по 5–6 рейхсталеров за ласт и продавали его в Амстердаме по 75 рейхсталеров. Густав Адольф высоко ценил русскую помощь — до такой степени высоко, что предлагал царю

поделиться своими военными секретами. В январе 1630 года в Москву прибыла шведская военная миссия во главе с полковником Александром Лесли (по происхождению шотландцем). В состав миссии входило 2 капитана, 3 лейтенанта и артиллерист Юлиус Коет, владевший искусством литья пушек. Михаил Федорович тепло приветствовал Лесли и одарил его дорогими подарками — и в ответ полковник предложил не более не менее как преобразовать и перевооружить русскую армию по шведскому образцу! Побывавший в плену в Польше отец царя, патриарх Филарет, был горячим сторонником внедрения западных военных новшеств, поэтому предложение было принято без долгих раздумий; уже вскоре Юлиус Коет возглавил «новое пушечное дело» и отливал в Москве пушки по «немецкому образцу». Шведы все-таки не хотели полностью раскрывать свои секреты, и хотя пушки Коета были лучше русских, он не умел отливать «*regementsstycke*». Густав Адольф предложил царю прислать эти пушки из Швеции, и Лесли подробно объяснил царю их преимущества. После длительного согласования планов в январе 1631 года Лесли в сопровождении двух русских послов отправился в Стокгольм. Царь просил Густава Адольфа разрешить Лесли завербовать 5 тыс. солдат и офицеров шведской службы и закупить в шведских арсеналах 10 тысяч мушкетов. Густав Адольф, конечно, не мог во время войны отпустить к царю своих офицеров, но он помог послам нанять немецких наемников. Эти опытные солдаты и офицеры должны были обучить 10 тыс. русских солдат и вместе с ними образовать шесть пехотных полков «иноземного строя». Чтобы привлечь в Россию иностранных офицеров, им положили самые высокие в Европе оклады, немецким солдатам платили 4,5 рейхсталера в месяц, в то время как русским — 5 рублей (10 рейхсталеров) в год. В конце концов стала ощущаться нехватка денег и два полка (в дополнение к первым шести), были пополнены русскими солдатами на основе всеобщей воинской повинности. В России с давних пор население было обязано по разверстке поставлять «даточных», но раньше эти «даточные» служили в обозе; теперь же, по шведскому образцу, из мобилизованных крестьян формировали солдатские полки. Для финансирования новой армии правительство использовало тот же прием, что и Густав Адольф: пользуясь монополией хлебной торговли, оно продало в 1631 году свыше 5 тыс. ластов зерна по цене 55 рейхсталеров за ласт. Нужно отметить, что хотя в России и раньше существовала государственная монополия на торговлю некоторыми товарами (она восходила к османским и персидским традициям), столь объемная продажа хлеба на внешнем рынке было осуществлена впервые¹³¹.

Чтобы содержать новую армию, требовались огромные деньги (около 370 тыс. рублей в год¹³²), и правительство в ноябре 1632 года созвало Собор, чтобы он утвердил чрезвычайный налог «ратным людям на жалование». У дворян просили немного — «кто сколько даст» — и тяжесть налога упала на монастырских, «черных», дворцовых крестьян и на поместных людей¹³³. С монастырских и «черных» крестьян потребовали по 2–3 рубля со двора¹³⁴; если считать по ценам 1630 года¹³⁵, то это эквивалентно 4–6 пудам зерна с души. Таких налогов не бывало уже давно — со времен Ливонской войны. «Нам платить нечем, хотя на правеже умереть стоя, взять не с кого», — писали монахи Иосифо-Волоколамской обители¹³⁶. С Вятки воевода П. Волынский писал, что там «на ослушниках правят нещадно весь день до вечера, а к ночи в тюрьму мечут»¹³⁷. Налог все-таки был собран, но власти не осмелились повторить его в следующем году.

Итак, благодаря энергии патриарха Филарета и помощи Густава Адольфа удалось преодолеть все трудности и создать в России регулярную армию. Эта армия была обучена новейшей военной тактике и вооружена новым оружием: в войсках имелось 66 полковых пушек. Новую армию дополнили дворянской поместной конницей, и осенью 1632 года возглавляемое воеводой Шеиным 32-тысячное войско двинулось к Смоленску; Лесли командовал передовым полком. Поначалу осада шла успешно, но летом 1633 года, узнав о татарском набеге на южные окраины, дворянская конница самовольно покинула лагерь под Смоленском — такого еще не бывало на Руси. В прежние времена за дезертирство полагалась смертная казнь, но в этот раз правительство не смогло справиться с тысячами непокорных дворян и ограничилось тем, что уменьшило им денежное жалование¹³⁸.

Осенью 1633 года умер создатель новой армии и глава правительства патриарх Филарет. Дела под Смоленском становились все хуже: маленькая регулярная армия осталась один на один с поляками и была окружена численно превосходящим противником. В осажденном лагере не хватало продовольствия, иностранные наемники стали переходить на сторону врага. Царь Михаил Федорович попытался снарядить новое войско на выручку Шеина, но собравшиеся дворяне отказались выступать в поход: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы (весь цвет дворянства) били челом царю, что «им на государевой службе быть не с чем, поместий и вотчин за иными нет, а за иными и есть крестьянина по три и по четыре, по пяти и по шести, и им с тех крестьян подняться и на службе быть никак нельзя: так государь бы их пожаловал, велел им дать денежное жалование...»¹³⁹. Между тем у правительства не было денег, положен-

ный на Соборе 1632 года чрезвычайный налог собирался с трудом: «гости и торговые люди многие давали пятую деньгу неправдою»¹⁴⁰. Царь был вынужден снова обратиться к Собору и снова просить денег. В конце концов правительство заплатило дворянам по 25 рублей, но время было потеряно, Шеин не получил помощи и подписал соглашение о капитуляции¹⁴¹.

По существу, своим дезертирством из-под Смоленска и отказом выступить на помощь дворяне выдали новое войско на истребление врагам. Дворяне имели причины ненавидеть новую армию: их, несомненно, раздражала очень высокая, сравнительно с их скудными доходами, оплата иностранных наемников, и они не могли не понимать, что военная реформа лишала значения поместное ополчение, что она грозила помещикам переводом в рейтары. Не случайно после возвращения Шеина дворянство потребовало казни ни в чем неповинного полководца. Остатки новой армии были распущены, почти все иностранные офицеры (в том числе и Лесли) были высланы из страны; более того, в угоду дворянам правительство стало запрещать въезд ратных иноземцев в Россию. Было остановлено и «новое пушечное дело» — в 1640-х годах в Москве уже не отливали пушки немецкого образца¹⁴².

Таким образом, первая попытка преобразования русской армии по западному образцу закончилась неудачей. Однако воздействие Запада продолжалось — теперь оно приняло форму мощного торгово-финансового давления. Голландское торговое проникновение в Россию началось сразу после Смуты, когда открылись для торговли пути в глубь страны. В 1618 году в Архангельск пришло 30 голландских кораблей, а в 1630 году — около 100 голландских и несколько английских судов. В России голландцы закупали кожи, сало, меха, пеньку, поташ (продукт переработки золы, который использовали в производстве стекла и мыла). Однако больше всего купцов интересовало зерно, так как цены на него в России были в 10–15 раз меньше, чем в Европе, и торговля зерном давала до 1000% прибыли. По русским законам, зерно можно было покупать только у государства, но голландцы давали взятки местным властям и скупали зерно у населения. В 1629 году в Вологде при досмотре было обнаружено 11 тайных складов, устроенных для голландских купцов. В 1630 году в Москву пришло голландское посольство, которое привезло с собой комплексный план включения России в мировой рынок. Послы Бурх и Фелдтриль предлагали Москве стать поставщиком хлеба, льна, пеньки, поташа, смолы, леса; речь шла не просто о торговле, а об организации экспортного производства: с участием голландских фермеров-

предпринимателей предполагалось свести обширные леса в Среднем Поволжье и создать огромные хлебные плантации; побочным продуктом при сжигании древесины были бы зола и поташ, которые так же предполагалось вывозить. Для начала послы от имени правительства обещали закупать ежегодно по 10 тыс. ластов ржи по цене 30 рейхсталеров за ласт¹⁴³.

Голландский проект был отклонен русским правительством, но тем не менее голландцы получили право скупать во внутренних районах государства все упомянутые послами товары, за исключением хлеба. Этого было достаточно, чтобы голландская торговая интервенция охватила всю Россию: почти в любом городе можно было встретить голландцев или их агентов, закупающих русские товары по самым дешевым ценам. «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отнимают у англичан выгоды... — свидетельствует Коллинс. — Голландцы налетают, как саранча, и всюду бросаются, куда манят их выгоды. В России их принимают лучше, чем англичан, потому что они подносят подарки боярам и таким образом приобретают их покровительство»¹⁴⁴. Обороты торговли быстро росли: к середине XVII века стоимость товаров, ежегодно вывозимых из Архангельска, достигла 1,2 млн. рублей или 6,2 млн. ливров. Это была весьма значительная сумма; для сравнения можно отметить, что стоимость французского экспорта, до реформ Кольбера осуществлявшегося (так же, как в России) на голландских судах, составляла около 16 млн. ливров. Учитывая, что население Франции было в три раза больше, чем население России, и что Франция расположена намного ближе к Голландии, нужно признать, что голландские торговцы в России достигли больших успехов. Еще одним свидетельством масштабности голландской торговой интервенции является перестройка российской денежной системы: в 1620-х годах русская копейка была девальвирована так, чтобы соответствовать по ценности голландскому штиверу¹⁴⁵.

Около 1630 года на Русь приехал очень богатый голландский купец Андрей Виниус, который поначалу был посредником в хлебных закупках шведского правительства. В 1632 году Виниус обратился к царю с неожиданным предложением: он просил разрешения построить в Туле доменный завод для отливки пушек «по иностранному способу из чугуна». Виниус желал стать российским де Геером: он собирался выручить хорошие деньги на казенных заказах, а остальные пушки вывозить за границу. Шведские чугунные пушки стоили в России примерно 1,5 рубля за пуд, Виниус предлагал поставлять их по 60 копеек за пуд, а действительная цена была около 10 копеек. Как бы то ни было, для русского правительства это было чрезвычай-

но выгодное предложение: голландцы сами, с минимальной помощью, обещали построить домны, привезти мастеров, раскрыть все секреты, научить русских литейному делу и снабдить русское войско пушками. К 1637 году Виниус построил в районе Тулы четыре завода, однако строительство стоило больших затрат, и голландский предприниматель был вынужден взять в компаньоны двух других купцов, Петра Марселеса и Телемана Акему. Через некоторое время компаньоны рассорились, не поделив прибылей; в конечном счете Марселес и Акема отняли у Виниуса его дело, но Виниус все же не остался в накладе; он по-прежнему слыл очень богатым человеком. Царь оказывал уважение Виниусу, давал ему поручения по иностранным делам и наделил пышным титулом: «Его царского величества Российского государя комиссар и московский гость»¹⁴⁶.

Марселес и Акема также пользовались большим почетом у царя; они расширили предприятие Виниуса, и к 1660 году в России было уже семь заводов, которые могли выпускать сотни пушек в год. Это был очевидный успех политики привлечения иностранных инвестиций; в 1646 году было вывезено в Голландию 600, а в 1647 году — 340 пушек. Однако тульская руда содержала примесь фосфора, и получаемый из нее металл был «холодноломким»; качество пушек было невысоким, несколько пушек, проходивших испытания в Голландии, дали трещины. Русские тоже признавали, что тульские пушки уступают шведским, но приходилось радоваться и тому, что есть: как ни как, новые заводы обеспечили русское войско артиллерией. Хуже было с мушкетами, их делали мало и плохого качества, поэтому приходилось закупать огромные партии мушкетов в Голландии и Швеции¹⁴⁷.

Иностранные купцы строили в России не только пушечные заводы. Голландец Демулин построил канатную фабрику в Холмогорах, Фимбрант завел производство по выделке кож, известный нам литейщик «астрадамлянин» Юлиус Коегт воссоздал стекольное производство (забытое на Руси со времен монгольского нашествия). В лесной части России чрезвычайно выгодным делом был выжиг золы и поташа. В 1644 году полковник Краферт получил разрешение организовать производство поташа в муромских лесах — и, видимо, по примеру Краферта, московские бояре тоже стали выжигать поташ и продавать его голландцам. Почувствовав вкус огромных прибылей, некоторые представители знати были буквально охвачены лихорадкой предпринимательства. Бояре Б. И. Морозов и Я. К. Черкасский с начала 40-х годов скупали лесные земли Арзамасского уезда и заводили будные станы для производства поташа. Б. И. Морозов

занимался и другими прибыльными делами: одно время он был компаньоном Виниуса, и, очевидно, по его примеру выписал из-за границы мастеров и основал небольшой доменный завод. В торговые операции с голландцами были втянуты и некоторые русские купцы, ярославцы Назарий Чистой и Антон Лаптев ездили со своими товарами в Голландию¹⁴⁸.

Таким образом, часть русской знати и купечества увлеклась примером голландцев, эти русские «западники» занимались предпринимательством и подражали иноземцам в быту, украшали свои дома картинами, покупали часы и музыкальные инструменты. Некоторые учили иностранные языки, к примеру, известный купец Петр Микляев испросил разрешение, чтобы его сын учился немецкому и латыни. Вопреки православной традиции многие подстригали или брили бороды: «сею ересью не токмо простые, но и самодержавные объята быша», — свидетельствует современник¹⁴⁹. Пример подражания немецким вкусам подавал двоюродный брат царя, Никита Иванович Романов. В его доме постоянно играли немецкие музыканты, он одевался сам и одевал свою свиту в немецкое платье; все это вызывало крайнее неудовольствие патриарха¹⁵⁰.

Что думало по поводу голландского вторжения большинство населения? Вспомним Коллинса: «Голландцы, как саранча, напали на Москву и отнимают у англичан хлеб...». Если нападение саранчи на Москву вызывало недовольство у *англичан*, то, естественно, что оно вызывало яростный протест русских купцов. В 1628 году была представлена царю первая челобитная с протестами против торговли иноземцев. Купцы писали, что после Смуты иноземцы проникли внутрь Московского государства, они покупают дворы в городах, держат там свои товары, не заявляя о них в таможеню, продают свои товары в розницу, чем у русских «торги отняли». Они занимаются даже внутренней торговлей, скупают в устье Двины соль и продают ее в Москве. Товарами, скупленными на Руси, они торгуют меж собой в Архангельске, не платя пошлин. Такие массовые челобитья повторялись много раз: в 1635, в 1637, дважды в 1639, в 1642, 1646 годах; купцы и посадские люди жаловались на свое «конечное разорение» и все настойчивее просили закрыть внутренние районы для иноземной торговли¹⁵¹.

«Конечное разорение» привело к тому, что на Руси крепко невзлюбили «галанских», «аглицких», «амбурских» и других «немцев» (в то время всех иностранцев называли «немцами»). Появление иноземцев на улицах сопровождалось недружелюбными возгласами: «Кыш на Кокуй, поганые!», а мальчишки были не прочь запустить

им вдогонку камень. «Их громко обзывают глупейшей бранью, „шишами“, — свидетельствует Рейтенфельс, — ведь право, этим шипением („кыш!“ — С. Н.) обычно пугают птичек»¹⁵². По утверждению Олеария, от названия слободы Кокуй возле Москвы, где проживало много немцев, происходит самое грязное русское ругательство: «Пошел на...!»¹⁵³ Поджоги домов в Кокуе и нападения на «немцев» были нередким явлением. Помимо непомерной алчности им вменяли в вину «скобление рыла», то есть бритье бород, и курение «богомерзкой травы», табака. Неприятие иностранцев объяснялось не только торговыми интересами, это был конфликт людей, принадлежащих к разным культурам и имеющим разный менталитет¹⁵⁴.

Российская действительность середины XVII века представляла собой сложный клубок проблем, как внутренних, так и внешних. Однако главной проблемой оставалась военная проблема, военная слабость, которая привела к страшному разорению во времена Смуты. Первая попытка создания регулярной армии закончилась неудачей, но военная реформа оставалась вопросом жизни и смерти. Поэтому главной заслугой реформаторов было понимание той угрозы, перед которой стоит страна, и того, что ответить на силу Запада можно только с помощью Запада. В сущности, это было понимание необходимости реформирования по западному образцу — и это было чрезвычайно важно: в большинстве стран Востока не понимали этой необходимости, и в конечном счете эти страны стали колониями европейских держав.

Российской «партии реформ» повезло: ее главой был воспитатель царевича Алексея, боярин Борис Иванович Морозов. Морозов был высокообразованным человеком; он имел большую библиотеку, в которой имелись и книги, написанные на латыни — Тацит, Цицерон, Гален; по-видимому, боярин знал латинский язык. Известный ученый Адам Олеарий был знаком с Морозовым и тепло отзывался о «гоф-местере Борисе Ивановиче». Мы говорили об увлечении Морозова предпринимательством и о его связях с Виниусом; он слыл великим покровителем «немцев». Морозов старался привить Алексею уважение к достижениям Европы; он показывал царевичу немецкие гравюры и иногда одевал Алексея и его друзей в немецкую одежду; в библиотеке царевича было 29 латинских и немецких книг по арифметике, астрономии, географии, строительному делу, фортификации и т. д. Однако при этом боярин не приучал царевича к государственным делам: Морозов собирался править сам, и он направлял увлечения Алексея в сторону соколиной охоты и других забав. В целом воспитание было вполне традиционным, и Алексей вырос богомольным

и нищелюбивым, как все русские люди; он был большим любителем охоты и до 25 лет почти не занимался государственными делами¹⁵⁵.

Когда в 1645 году умер царь Михаил Федорович, Алексею было 16 лет, он всецело находился под влиянием своего воспитателя — таким образом, власть оказалась в руках «партии реформ». В следующие месяцы произошла настоящая «бархатная революция»: родовитые бояре, возглавлявшие приказы и ведомства, один за другим были отстранены от своих постов и направлены воеводами в дальние города. На смену им пришли незнатные, но преданные Морозову чиновники. Сам Морозов стал главой правительства и непосредственным руководителем пяти приказов: Большой Казны, Стрелецкого приказа, Иноземного приказа, Аптекарского приказа и Новой четверти. Вторым по значению человеком в правительстве стал купец Назарий Чистой (тот самый, который ездил в Голландию); он заведовал Посольским приказом, а его брат, Аникей, тоже купец, возглавил Монетный двор. Эти двое купцов вместе с Морозовым и управляющим Сибирским приказом князем Трубецким пользовались постоянными советами Виниуса, и по словам шведского агента Фарбера, «располагали всем правлением». При этом в Думе возникали забавные коллизии, когда, выслушав купеческое «правительство» (братьев Чистых и Виниуса), перед принятием решения его просили выйти за двери¹⁵⁶. Помимо этих купцов в роли советника Морозова выступал еще один крупный торговец, друг Чистого, Василий Шорин. Другие должности были заняты по большей части родственниками главы правительства: шурин Морозова Петр Траханиотов стал во главе Пушкарского приказа, другой родственник Морозова, Леонтий Плещеев, получил Земской приказ. Все это были незнатные и к тому же неопытные в делах молодые люди, «молодые реформаторы». «В царском совете заседают все молодые и неопытные люди», — доносил из Москвы летом 1647 года шведский резидент Поммеренинг¹⁵⁷.

Программа правительства русских «западников» была очевидной: их целью было преобразование России по голландскому образцу — та цель, которую ставил перед собой Кольбер и другие реформаторы того времени. Сразу же после «бархатной революции» в Голландию был отправлен с особой миссией стольник Илья Милославский. Целью миссии было упрочить дружеские отношения с правительством Штатов и заручиться его содействием в проведении реформ. В первую очередь речь шла о создании армии «иноземного строя»; Милославский должен был вербовать офицеров, закупать оружие для новой армии и искать мастеров для организации производства мушкетов. Милославский справился со своей задачей, он привез с собой оружей-

ного мастера Индрика Фан Акина, под руководством которого была построена мушкетная мануфактура на Яузе под Москвой. Мушкетные стволы делали из шведского железа, но качество изделий было неважным — шведский резидент Родес писал, что при пробах почти половина мушкетов разрывается. Мушкетные замки выписывались в основном из-за границы и прилаживались на мануфактуре к русским ружьям. Всем мушкетным производством в России и закупками за границей заведовал новосозданный Ствольный приказ, начальником которого был назначен только что вернувшийся из Швеции окольный Григорий Пушкин. В 1647–1653 годах по заказам Ствольного приказа было изготовлено более 40 тысяч мушкетов — но все-таки этого было недостаточно для многочисленного русского войска¹⁵⁸.

Милославский вернулся из поездки большим поклонником всего голландского, он был в восторге от голландских офицеров и старался подражать голландским купцам. Как и Морозов, он увлекся предпринимательством, стал заниматься выжигом поташа и построил доменный завод. По свидетельству Олеария, Милославский «неоднократно являлся к Морозову... и прилежно ухаживал за ним», и Морозов «ради его угодливости очень его полюбил»¹⁵⁹. У Милославского было две дочери-красавицы, и Морозов предложил сосватать одну из них царю, а на другой должен был жениться он сам. Этот хитроумный план увенчался блестящим успехом: друзья, Морозов и Милославский, одновременно стали родственниками Алексея Михайловича, а новая царица Мария стала безотказным орудием политики реформаторов. Пристрастие Морозова к иностранцам было хорошо известно, и шведский резидент Фарбер писал, что многие опасались, как бы по случаю царской свадьбы не были приняты иностранные обычаи и не произошли перемены при дворе¹⁶⁰.

Перемен не произошло: Морозов был достаточно благоразумен, чтобы не вводить при дворе парики и немецкую одежду. Он понимал, что власть реформаторов слаба, ведь царь Михаил, от которого они ее унаследовали, не был самодержцем, ему приходилось собирать Земские Соборы и советоваться с сословиями. Старый царь все-таки обладал немалым авторитетом и мог не исполнять просьбы дворян и посадских людей — но теперь, после его смерти, эти просьбы стали требованиями, которые были тут же предъявлены юному Алексею. Дворяне и посадские люди вновь выступили с массовыми петициями, требуя окончательного закрепощения крестьян и закрытия страны для торговых иноземцев. Морозову не оставалось ничего иного, как пообещать сословиям удовлетворить их челобитья. Однако пожелания посадских людей удовлетворили лишь частично: было

установлено, что отныне иноземцы должны платить ввозные пошлины — впрочем, очень небольшие, в 3–4% от стоимости товара. Закрывать страну для иностранцев не входило в намерения правительства, реформы планировалось проводить совсем в другом направлении¹⁶¹.

Первая реформа, как отмечалось, была военной: это был вопрос жизни и смерти, это было главное, с чего следовало начать. С приходом к власти Морозова в Россию вернулся полковник Лесли, который был незамедлительно принят на царскую службу — это было знаковое событие, ведь Лесли еще перед Смоленской войной пытался реформировать русскую армию по шведской модели. В 1647 году по заказу русского правительства в Голландии был отпечатан переведенный с немецкого строевой устав «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей». Было завербовано большое количество иностранных офицеров; осенью 1646 года началось формирование драгунских полков в Комарицкой волости на южной границе: крестьяне были освобождены от податей, каждый двор должен был выделить одного человека на учебные сборы, обучение (один день в неделю) вели присланные немецкие офицеры. Весной 1648 года в Москве был сформирован первый рейтарский полк. Однако реформа сталкивалась с финансовой проблемой: налоги были незначительными, и у государства не было средств для формирования новой армии. Вначале Морозов попытался собрать недоимки от прежних лет; эта попытка ярко высветила реформаторский характер правительства: оно возложило недоимки за сбор налогов на тех, кто их собирал — на воевод. Это было нечто неслыханное: захватившие Кремль чиновники и купцы угрожали «правежом» родовитым боярам! Однако вскоре правительство испугалось своей смелости и отменило указ; было решено перейти к осуществлению финансовой реформы¹⁶².

Морозов и его советники предполагали решить все проблемы путем реформирования российской налоговой системы по голландскому образцу. Они предлагали заменить прямые налоги косвенными путем введения соляной пошлины: в этом случае пошлину будут вынуждены платить все, в том числе и мало платившие до тех пор помещичьи крестьяне, и «беломестные» слободчики, и даже дворяне. «Та соляная пошлина всем будет равна, говорилось в царском указе, — в избылых никто не будет, и лишнего платить не станет, а платить всякой станет без правежа собою, а стрелецкие и ямские деньги собираются неровно, иным тяжело, а иным легко...»¹⁶³. Кроме того, было разрешено курить «богомерзкую траву» табак, и при продаже табака тоже взималась большая пошлина. Трудно установить, кому конкретно принадлежала мысль о введении соляной и табачной пошлин, неко-

торые говорили, что автором был Шорин. По свидетельству Поммеринга, позднее, в 1648 году, Милославского обвиняли в том, что это он «*ввел новые пошлины и другие установления из Голландии*»¹⁶⁴. Таким образом, на Руси прекрасно знали, что, заменяя прямые налоги косвенными, новое правительство подражает голландцам — действительно, центральная налоговая система Республики Соединенных Провинций не знала прямых налогов, но зато косвенные налоги были огромными, и пошлина на соль была больше цены на нее. О подражании Голландии говорит также введение на рынках казенных весов — эта мера была аналогична голландскому сбору за взвешивание. Еще одно нововведение правительства, перевод местных чиновников (городовых приказчиков, приставов и т. д.) на оплату за счет местных доходов, также соответствовало голландской практике¹⁶⁵.

Идея введения соляной пошлины была чрезвычайно смелой — интересно отметить, что Петр I позднее использовал её, но петровская пошлина была намного меньше, чем пошлина Морозова, и, вводя её, Петр I не обещал отменить другие налоги. После введения пошлины 1646 года цена на соль увеличилась в два — три раза и составила 60–80 денег за пуд, это была стоимость 3–4 пудов хлеба. Однако реформаторы просчитались: соли стало продаваться гораздо меньше, чем прежде. Оказалось, что население не в состоянии покупать дорогую соль, и казна, временно отказавшаяся от сбора прямых налогов, осталась без средств. Через два года после введения, в декабре 1647 года, соляная пошлина была отменена, и правительство стало собирать старые налоги за эти два года — как будто оно ничего не обещало. Пытаясь пополнить пустую казну, власти принимали меры строгой экономии: было урезано жалование стрельцов и сокращены придворные штаты; снова усиленно взыскивались недоимки за прошлые годы¹⁶⁶.

Помимо соляной пошлины необходимо упомянуть и о других экономических новациях правительства — хотя часть из них относится к более позднему времени, к началу 50-х годов. После долгого периода запретов вновь начался вывоз хлеба, предпринимались первые попытки освоить виноделие, производство шелка и красителей. В 1651 году французский офицер Жан де Грон выступил с проектом, воскрешающим предложения Бурха и Фельтдриля: он предлагал создать «громадные хлебородные страны» путем выжигания леса с попутным производством поташа и дегтя. По словам К. В. Базилевича, этот проект породил настоящую «предпринимательскую горячку», вслед за Морозовым и Черкасским в производство поташа включилась вся правительственная верхушка: Ф. М. Ртищев, И. Д. Милославский,

Ю. П. Трубецкой, Н. И. Одоевский — и более мелкие предприниматели, в том числе и А. Л. Ордин-Нащокин. На будных станах Морозова в это время трудились 6 тысяч крестьян, и их продукция составляла существенную долю российского вывоза¹⁶⁷.

«Во второй половине 40-х годов XVII века на русской почве был проведен экономический эксперимент с использованием западных экономических рецептов, — так оценивается деятельность правительства в работе В. П. Жаркова. — Однако уровня развития страны явно не хватало для того, чтобы передовой опыт раннебуржуазной Европы мог прижиться на просторах Московии... Сконструированная европейским умом и собранная в Москве колесница морозовских реформ быстро увязла в топком бездорожье российской действительности»¹⁶⁸.

1.6. ДВОРЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В общем, политика правительства реформаторов оказалась неудачной; налоговая реформа провалилась, а судебные решения не стали более справедливыми. Характерной чертой новой власти были беспредельные вымогательства и взяточничество. Почти все иностранцы, оставившие записки о России тех дней, в один голос свидетельствуют об алчности Морозова, Милославского и их подчиненных¹⁶⁹. Этот «голландский» менталитет был характерной чертой «западников», связанной с их предпринимательской деятельностью. Чистого и Шорина обвиняли в финансовых махинациях еще при царе Михаиле, и получив власть, эти предприниматели полностью проявили свои таланты. Однако более других на этом поприще выделялся начальник и главный судья Земского приказа Леонтий Плещеев. «Он обирал простонародье и драл с него сверх всякой меры, — свидетельствует Олеарий, — подарками нельзя было насытить его»¹⁷⁰. Политика реформаторов вызывала недовольство как отстраненных от власти бояр, так и посадских людей. Дворяне тоже были недовольны: прошло уже три года, а Морозов как будто не собирался выполнять данное им обещание отменить «урочные годы». Самое главное, однако, заключалось в том, что после отмены соляной пошлины правительство стало требовать налоги за прошедшие годы; в 1648 году население должно было выплатить налоги за три года: за текущий год и за два предыдущих. При таких обстоятельствах восстание было неизбежным¹⁷¹.

Весной 1648 года по случаю нового осложнения в турецких делах был объявлен сбор поместного ополчения; одна половина собира-

лась в южных городах, а другая — в Москве. 2 июня 1648 года, во время крестного хода в Москве, дворяне и посадские люди попытались подать царю несколько петиций с обвинениями в адрес правительства. В одной из них, составленной от имени «московского просто-го дворянства, городских служилых людей, гостей и торговых людей», «высших правителей» называют «мучителями и кровопийцами» и говорится, что «большая буря поднимается в твоём царском стольном городе Москве и в иных многих местах». От царя требуют «указать всяким людям самим всех служащих и судей назначать своими собственными средствами...», то есть вернуться к системе выборных губных судей¹⁷².

Царь отказался принять петицию — тогда началось восстание. Были разгромлены дворы всех высших чиновников, был убит Назар Чистой, настигнутый толпой в своем доме. Ненависть, которую питали «черные люди» к «реформаторам» была такова, что в доме Морозова «не осталось ни одного гвоздя в стене», жемчуг и драгоценные камни толкли в порошок, не позволяя никому унести с собой, кричали: «То наша кровь!». Труп Назара Чистого раздели донага и бросили в навозную кучу, положив в изголовье государственную печать. Недовольные убавкой жалования стрельцы перешли на сторону восставших; толпа требовала выдачи Морозова, начальника Земского двора Л. С. Плещеева и отвечавшего за военную реформу начальника Стрелецкого приказа П. Т. Траханиотова. 7 июня правительство показало, на кого оно опирается: наемные «немцы» — офицеры и солдаты — были призваны в Кремль и заняли оборону на стенах. Испуганный царь выдал Плещеева и Траханиотова, но мятеж не прекращался. 10 июня дворяне и посадские люди собрались на большую сходку; когда царь узнал об этом, он, чтобы спасти Морозова, организовал его ночное бегство в Кирилло-Белозерский монастырь¹⁷³. Посоветавшись, дворяне и посадские снова потребовали у царя реформы суда и кроме того созыва Земского Собора, на котором они «учнут бить челом государю о всяких своих делах» — то есть предъявят свои требования. Часть дворян поместного ополчения осталась в Москве, дожидаясь Собора. На собравшемся в сентябре Соборе преобладали дворянские депутаты, и правительство откровенно заискивало перед ними: им раздавали поместья и вотчины, для них устраивали угощения, им выдали большое дополнительное жалование, разрешили «у себя на дворе держати пиво и вино безъявочно» и «мыльня топить безвыимочно». Власти опасались нового мятежа: царь приказал раздать мушкеты по боярским дворам, но многие знатные люди, не надеясь на эти мушкеты, привозили свое имущество во двор шведского

посольства. Насколько слаба была в тот момент царская власть говорит признание патриарха Никона о том, что Уложение было принято «боязни ради и междуособия от всех черных людей, а не истинной правды ради»¹⁷⁴. Царь был вынужден удовлетворить все требования дворянства и посадских людей – требования, которые высказывались уже давно, но не находили ответа. Был положен конец произволу воевод и боярских судов; уголовные дела были переданы выборным из дворян губным старостам, которые судили по новому Судебнику – Уложению 1649 года. «Беломестные» слободы были, наконец, ликвидированы, и их жители стали нести тягло наравне с посадскими. Но самое главное – Собор принял решение об отмене «урочных лет» и окончательном прикреплении крестьян¹⁷⁵.

Таким образом, введение крепостного права было результатом восстания, в котором традиционалистская реакция против реформ соединилась с дворянским «рокошем», подобным выступлению 1641 года. Правительство капитулировало перед дворянами и внесло в Уложение все их пожелания по крестьянскому вопросу – глава XI Уложения иногда даже текстуально совпадает с дворянскими челобитными¹⁷⁶. По новым законам «вечная крепость» распространялась на всю крестьянскую семью, определение объема крестьянских повинностей отдавалось на усмотрение землевладельца, который становился так же и судьей крестьянина во всех делах, кроме «татьбы и разбоя, и поличного и смертного убийства». За прием беглого крестьянина полагался штраф – 10 рублей за год укрывательства. Формально помещику запрещалось грабить своих крестьян, но закон не определял наказания – оно отдавалось на усмотрение царя. Бесчестье крестьянина каралось штрафом в 1 рубль, для сравнения можно отметить, что бесчестье посадского человека каралось штрафом в 5–7 рублей, а бесчестье дворянина – штрафом в 5–15 рублей¹⁷⁷.

Московское восстание в июне 1648 года было ключевым моментом в установлении крепостного права, поэтому его освещение в трудах историков в определенной степени зависело от политических и партийных интересов. Мысль о том, что «верные государевы слуги», дворяне, подняли мятеж и заставили царя закрепить крестьян, была недопустима для дворянской историографии, по этой причине июньские события 1648 года долгое время считались бунтом «черных людей» и никак не связывались с крепостническими статьями Уложения¹⁷⁸. Первым исследователем, доказавшим эту связь, был П. П. Смирнов, автор фундаментальной монографии¹⁷⁹, которая до сих пор остается непревзойденной по широте и охвату материала. П. П. Смирнов доказывал, что дворянство играло главную роль с пер-

вых дней мятежа, и называл мятеж «*дворянской революцией*». Точку зрения П. П. Смирнова разделял и А. Н. Сперанский¹⁸⁰. С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров и Е. В. Чистякова полагали, что события начались с восстания посадских людей, а дворянство присоединилось к движению позже, после 6 июня¹⁸¹. Л. В. Черепнин считал, что дворяне с самого начала принимали участие в волнениях вместе с посадскими людьми, но преследовали свои собственные интересы¹⁸². Однако, несмотря на некоторые расхождения, все исследователи согласны в том, что участие дворянства в мятеже (или «восстании») имело решающее значение: именно дворянские требования заставили правительство созвать Земский Собор.

Оценивая общее направление развития русского общества, Б. Д. Греков писал, что «в России происходило то же самое, что и в Литве, и в Польше, и в Прибалтике, и в Восточной Пруссии»¹⁸³. Эта общность развития была продиктована одинаковыми экономическими условиями — наличием обширных свободных земель и недостатком рабочей силы. Именно эти общие экономические условия, указывал С. М. Соловьев, привели к господству крепостничества и рабства не только в Восточной Европе, но и в американских колониях¹⁸⁴. «Как и в ранней европейской Америке, — писал Фернан Бродель, — главной проблемой здесь было удержать человека, который был редок, а не землю, которой было сверх всякой меры. И именно это было причиной, которая в конечном счете навязала крепостничество»¹⁸⁵.

В целом в рамках демографически-структурной теории закрепощение крестьян может быть представлено как следствие демографических катастроф второй половины XVI — начала XVII веков. Как отмечалось выше, катастрофа нарушила естественные демографические пропорции — возник тот недостаток рабочей силы, о котором говорили многие историки. Нехватка рабочей силы в соответствии с экономическими законами, описанными Мальтусом и Рикардо, создала дисбаланс в распределении ресурсов между крестьянством и дворянством. Этот дисбаланс мог быть скорректирован увеличением ренты посредством закрепощения крестьян.

С теоретической точки зрения, наиболее важным было то обстоятельство, что в контексте демографически-структурной теории введение крепостного права означало *трансформацию структуры* — создание новых отношений внутри структуры государство-элита-народ. Эта трансформация выражалась в том, что народ становился зависимым от элиты, которая получала право устанавливать уровень ренты по своему произволу, независимо от экономических факторов.

Однако помимо демографического фактора на развитие России влиял и технологический (диффузионный) фактор. Мы отмечали выше, что русское дворянство стремилось подражать польской шляхте. Это нашло свое выражение и в составлении Уложения 1649 года: в его основу был положен Литовский статут. Общая структура и целые главы Уложения были заимствованы из законов Литвы, а между тем эти законы содержали не только крепостное право — они содержали и ограничение королевской власти шляхетским сеймом. Можно представить, насколько опасным был этот документ для русского самодержавия в тот момент, когда оно было вынуждено заискивать перед дворянством. Но все закончилось благополучно для царской власти: опасные главы были исключены и не оставили следа в русских законах¹⁸⁶.

При определенной схожести экономических условий в России и в Польше существовало существенное различие в военно-политической ситуации. Дело в том, что по сравнению с польскими и венгерскими «рокошами» мятежи русского дворянства начались на полтора столетия позже, в период, когда могущество рыцарской кавалерии уже склонялось к закату. На смену рыцарскому ополчению шли полки «иноземного строя», и было неясно, успеют ли дворяне-рыцари взять свое на исходе отпущенного им историей срока.

Волею случая дворянский мятеж 1648 года соединился с восстанием посадских людей, протестовавших против налогов, реформ и «немецкого» засилья. В ходе Собора посадские люди высказали правительству все, что они думали о заповоливших Россию иноземных купцах. К неприязни против иноземцев добавились новые аргументы: в Европе бушевали революции, в январе 1649 года королевский двор бежал из Парижа, 30 января в Лондоне был казнен король Карл I. Это известие привело в ужас царя Алексея, и английским купцам был запрещен доступ в Россию дальше Архангельска. Что же касается голландской торговли, то несмотря на протесты купцов и формальные запреты, она продолжалась, и голландцы по-прежнему торговали в Москве. Некоторым утешением для противников иноземцев и ревнителей православия стал категорический запрет на продажу и курение табака¹⁸⁷.

Приняв требования восставших, царь сумел добиться «прощения» для Морозова, он вернулся из Кирилло-Белозерского монастыря и снова стал принимать участие в делах правительства. Однако, пережив смертельную опасность, Морозов стал осторожнее, он уже не занимал видных постов, передав их своему другу Милославскому. Шведский резидент Родес писал, что Морозов имеет влияние

не меньше, чем раньше, но предоставляет имя правителя носить Милославскому¹⁸⁸.

Милославский показал себя энергичным правителем; он прежде всего взялся за создание военной силы, которую можно было бы противопоставить все еще волнующемуся народу. Сначала он предлагал царю создать из голландцев лейб-гвардию и поставить во главе ее полковника Букгофена, но затем (поскольку голландцев было мало) стал формировать двухтысячный гвардейский корпус с русскими солдатами и голландскими офицерами. Однако набранные в этот корпус московские дворяне отказались подчиняться голландским офицерам, и корпус был распущен. В конечном счете роль избранной гвардии стал выполнять «приказ (полк) стрелянных стрельцов», которым назначили повышенное жалованье, а их командиров царь постоянно потчевал за своим столом¹⁸⁹.

Восстание посадских людей было направлено против голландского менталитета реформаторов и реформ, проводимых по голландскому образцу. Никто из «немцев» не пострадал — хотя голландские купцы были очень напуганы и одно время укрывались под охраной шведских мушкетеров на подворье резидента Поммеренинга. Но народ понимал суть событий, по России шла молва, что царь окружен недобрыми людьми, что Морозов дружит с «немцами» ко вреду русских. Весной 1650 года в Пскове узнали, что из Москвы едет «шведский немец» с казной и будет закупать хлеб для Швеции. Сразу же пошел слух, что это заговор, что на этот хлеб и на эти деньги шведы соберут войско и пойдут на Русь. В Пскове и Новгороде началось восстание, были избиты и ограблены иноземные купцы, досталось и торговавшим с ними русским. Новгородские купцы Стояновы были известны своими связями с Назаром Чистым и с Морозовым, новгородцы обвиняли их в измене и в сговоре с «немцами». «Идет де твое жалование иноземцам, а вы де природные, живите с травы и воды», — говорили мятежные стрельцы в Пскове¹⁹⁰. Царю пришлось оправдываться и объяснять, что он не благоволит «немцам»; лишь с трудом удалось потушить эту смуту¹⁹¹.

Недовольство, выплеснувшееся во время восстаний и на Земском Соборе, в конце концов переросло в *традиционалистскую реакцию*, которая развернулась под знаменем защиты православия. В начале 1652 года собрался церковный Собор, который постановил принять меры против нарушения иностранцами православных обычаев. На Соборе прозвучали обвинения в адрес полковника Лесли: говорили, что он вместе с другими офицерами развлекался тем, что стрелял по кресту на куполе церкви, а его жена бросила в печь икону и за-

ставляла русских слуг есть в пост собачье мясо. «Первым плодом этого было то, что открыто было провозглашено, что ни один русский впредь не должен служить у некрещеных язычников, под чем они разумеют всех чужестранцев, под страхом битья батогами... — доносил Родес. — Сходятся 10–20 стрельцов, вторгаются совершенно неожиданно в дома иностранных офицеров и купцов, обыскивают их, и, если находят русского, то отводят под замок... Так же хотят объявить, что у всех тех, кто имеет здесь поместья, будет их имущество обратно отнято... Это направлено против поступка Лесли, который теперь, на старости лет, сидит в заточении...»¹⁹².

В июле 1652 года церковный Собор избрал патриархом Никона, страстного проповедника и ревнителя церковной чистоты. С возвышением Никона реформаторы на время утратили часть своего влияния на царя: возле Алексея появился новый человек, обладавший необычайным ораторским даром и способностью убеждать. Алексей и раньше был ревнив к вере, и патриарх задел его чувства, возбудив их против «еретиков». По словам шведского резидента Эберса, началась «московская реформация»¹⁹³. Новый патриарх начал с того, что запретил немцам ходить в русском платье; слушников тащили в приказ и наказывали кнутом. Ни один иностранец не должен был держать у себя русских икон; шведский двор подвергся самому тщательному осмотру с целью убедиться, что там не было православных образов и крестов. Русским было категорически запрещено поддерживать дружеские отношения с «немцами», ходить в их дома, есть и пить с ними. Наконец, был издан строгий приказ: «Кто из немцев желает перекреститься по русскому обряду, тот пусть остается жить в городе, но кто отказывается поступить так, тот обязан в течение короткого времени вместе с жилищем своим выбраться из города за Покровские ворота, в Кокуй...»¹⁹⁴

У многих «немцев» были в Москве добротные каменные дома и переселение грозило им разорением. Еще большее впечатление произвела угроза отнятия поместий у тех, кто откажется креститься по православному обряду. Немецкие офицеры собрались и подали царю коллективное прошение, требуя отставки и отпуска на родину. Очевидно, этого и добивались определенные круги дворянства: как и в 1634 году, речь шла об изгнании «ратных иноземцев» из России. Но Милославский и царь попытались спасти положение: тем, кто решит креститься, были обещаны большие подарки. В сентябре 1652 года крестилась большая группа офицеров во главе с Лесли, который был не только помилован, но и получил огромное богатство, подарки на сумму 23 тыс. рублей. После крещения в доме Ми-

дославского состоялось православное венчание полковника с его женой. Крестившиеся вместе с Лесли офицеры получали поместья и 100–200 рублей деньгами, и даже простые солдаты записывались дворянами по «московскому списку»¹⁹⁵.

«Дело Лесли» показало, что и оппозиция, и реформаторы хорошо понимали роль этого «специалиста по реформам». Решение перейти в православие далось Лесли нелегко, ему пришлось столкнуться с бурными протестами шотландской родни. Несмотря на подарки и уговоры, многие иноземцы не приняли православия; часть из них уехала, остальные стали постепенно перебираться в Немецкую слободу. Однако и в слободе «немцы» не знали покоя: когда они отстроили здесь две протестантские церкви, в слободу ворвалась толпа негодующих русских, сорвала крыши церквей, разломала и выбросила на улицу алтари. Лишь через некоторое время «немцам» было позволено восстановить церкви — но без алтарей и кафедр проповедников¹⁹⁶.

1.7. ПЕРВАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА: СОЗДАНИЕ ПОЛКОВ «ИНОЗЕМНОГО СТРОЯ»

В 1653 году политика властей неожиданно смягчилась: русским было строго запрещено оскорблять немцев, и несколько ослушников были наказаны плетью. Назревала война с Польшей, и правительству требовались иноземные офицеры и добрые отношения с голландскими торговцами. Обстановка заставляла спешить с продолжением начатой перед восстанием военной реформой. К 1653 году были сформированы четыре полка «иноземного строя», но на большее не хватило денег. Мануфактура на Язуе работала на полную мощность, однако мушкетов все равно не хватало, и в октябре 1653 года в Голландию направился подьячий Головин с небывалым по масштабам заказом на 20 тыс. мушкетов. Зависимость от Европы была объективным фактором, связь России с Голландией, по крайней мере, в то время нельзя было разорвать. Поэтому правительство не исполнило решения Собора об ограничении иноземной торговли; в 1653 году был издан торговый устав, допускавший голландцев в Москву при уплате небольшой пошлины¹⁹⁷.

Финансовая проблема не была решена, и пустая казна оставалась камнем преткновения, лежащим на пути создания новой армии. В этой сложной ситуации ярко раскрылись таланты и познания реформаторов: они нашли выход в проведении новой финансовой реформы, в чеканке медных денег. Если придерживаться версии К. В. Ба-

зилевича, то идея выпуска медных денег принадлежала псковскому дворянину А. Л. Ордину-Нащокину, который в 1654 году прислал в правительство некие «статьи в тетрадах»; в этих статьях говорилось о том, «как для пополнения ратей в полки с поместей и с вотчин, и с скольких дворов даточных и рейтар взять, и почем им в год кормовых денег давать, и как о медных деньгах для тех же ратных людей промысл чинить». Сами «тетради» не сохранились, но из названия и из более поздних писем Ордина-Нащокина видно, что он предлагал финансировать создание новой армии за счет выпуска медных денег и комплектовать ее с помощью набора даточных-рекрутов. Предложения Ордина-Нащокина *полностью копировали реформу, проведенную в 1625–1630 годах шведским королем Густавом Адольфом*: именно так, с помощью введения медных денег и рекрутских наборов Густав Адольф создал первую в Европе регулярную армию. Ордин-Нащокин был дипломатом; он несколько раз участвовал в переговорах со шведами; он знал немецкий, польский и латинский языки и, очевидно, был в курсе обстоятельств шведских реформ¹⁹⁸. Однако возможны и другие версии происхождения денежной реформы: имеются свидетельства об участии в ней Морозова и Ртищева, и не следует забывать, что ближайшим советником Милославского был Лесли. Так или иначе, московское правительство было хорошо информировано о европейских событиях: Посольский приказ выписывал около полусотни европейских газет¹⁹⁹.

Необходимо отметить, что реформаторы использовали еще два финансовых приема, заимствованных у шведов: во-первых, используя государственную монополию, они в огромном количестве продавали на внешнем рынке русский хлеб. В 1650–1653 годах продавалось ежегодно по 10 тыс. ластов — Россия еще не знала таких масштабов хлебной торговли. Другой применявшийся реформаторами метод получения денег вызывает ассоциации с германской практикой Густава Адольфа: все церкви были обложены данью, а в монастырях проводились насильственные конфискации ценностей. «Ведомо нам учинилось, что у вас в монастыре есть деньги многие, — писал царь тихвинским монахам в 1655 году, — и мы указали взять у вас на жалование ратным людям 10 тысяч рублей...»²⁰⁰.

Чеканка медных денег и продажа хлеба позволили незамедлительно начать войну с Польшей и оказать помощь восставшей Украине. Однако создавать новую армию не было времени, и Россия вступила в войну с тем войском, которое было — с четырьмя полками «иноземного строя» и со 100-тысячным средневековым воинством, с поместной конницей и стрельцами. Весной 1654 года армия, возглавляемая царем Алексеем Михайловичем, выступила в поход; Лесли, ставший

к этому времени генералом, находился при царе в качестве главного военного советника и руководил осадой Смоленска²⁰¹.

В отсутствие царя фактическим правителем в Москве почти на три года остался патриарх Никон; его официально именовали «Великим государем», и он претендовал на власть, равную царской. Никон продолжал политику очищения православия; он обратился к реформам церковной службы и к исправлению Библии, что вызвало большую смуту и «нестроение» в умах. Среди многих начинаний Никона была и борьба за трезвость. Было уменьшено число кабаков, ограничен отпуск вина в одни руки, запрещена продажа в праздники и по воскресеньям; это богоугодное начинание существенно подорвало доходы казны. Кроме того, Никон начал преследования русских «западников»; им запрещалось носить немецкую одежду, в боярских и в купеческих домах устраивали обыски и изымали «фряжские» иконы. Позже, когда царь на время приехал в Москву из армии, патриарх устроил судилище над «арестованными» иконами: он поднимал икону над головой, показывая ее толпе, и громогласно объявлял в чьем доме она найдена, а затем бросал на железные плиты пола, так что она разбивалась в щепки. Вельможи из числа реформаторов, владельцы французских и польских икон, были смертельно напуганы, они ждали, что их обвинят в ереси — но буря прошла стороной²⁰².

Между тем военное положение резко изменилось: с запада в Польшу вторгся шведский король Карл X. Часть польской шляхты решила выйти из затруднительного положения, избрав Карла на польский престол; таким образом, для России война с Польшей грозила превратиться в войну со Швецией. Голландское правительство настойчиво выражало свою заинтересованность в открытии русскими «окна в Европу»: это позволило бы увеличить масштабы торговли. Окрыленный успехами в Польше, царь Алексей сменил фронт и двинулся на Ригу. Лесли предупреждал царя, что русскому войску предстоит сражаться с первой в Европе регулярной армией — но царь приказал престарелому генералу руководить осадными работами. В октябре 1656 года под Ригой русские войска потерпели тяжелое поражение от многократно уступавших в численности шведов. В следующем году последовало новое поражение под Валком, шведы взяли приступом и разграбили знаменитый Псково-Печерский монастырь. Эти поражения заставили реформаторов приступить к скорейшему созданию новой армии²⁰³.

После разгрома под Ригой все руководство русской армии — во главе с царем — принялось за изучение европейской военной техники и организации. В 1658 году Алексей Михайлович заказал в Голлан-

дии несколько военных руководств, в том числе «Книгу огнестрельную в четырех частях» и «Книгу пушечным двором». По-видимому, именно в это время в библиотеке Тайного приказа появились «Книга судебная и о ратном ополчении», «Книга о наряде и огнестрельной хитрости» и «Роспись образцовым артолерейским пушкам»²⁰⁴.

Началось создание регулярной армии. Было решено комплектовать новую армию так же, как в Швеции, набирая рекрутов с определенного числа дворов, причем (как и в Швеции) норма набора с помещичьих крестьян была меньше, чем с государственных. Прежде в России бывали наборы «даточных людей», их набирали на одну военную кампанию, то есть на лето, осенью «даточного» отпускали домой, и он снова становился крестьянином. Если в следующий год снова брали «даточных», то воевать шли другие люди. Теперь «даточные» фактически превратились в рекрутов, они должны были служить всю жизнь; лишь во время мира их могли отпустить в родную деревню. Новые солдаты находились полностью на содержании государства; они получали жалование и обеспечивались обмундированием и оружием. Это были неслыханные для России порядки — ведь крестьянина на долгие годы отрывали от земли и от дома. Правда (как и в Швеции) солдаты получали неплохое жалованье — по 6 копеек в день, это было оплата квалифицированного ремесленника²⁰⁵.

Создание новой армии было немислимо без приглашения тысяч иностранных офицеров, а ее финансирование требовало новых конфискаций церковных ценностей. В этой обстановке вспыхнул резкий конфликт между Никоном и царем — позднее Никон выставлял причиной конфликта то, что царь «обнищал и ограбил святую церковь»²⁰⁶. Летом 1658 года Никон был низложен, а осенью этого года был проведен первый массовый набор «даточных»; затем последовали еще два набора, которые дали в общей сложности 48 тыс. солдат. Так же, как в Швеции, в случае гибели или дезертирства солдата с помещика или с общины требовали его замены²⁰⁷. Царь дал задание русскому резиденту в Голландии, Ивану Гебдону, подыскать в Европе командира и офицеров для новой армии, и Гебдон подписал контракт с английским генералом Эргардом, и, кроме того, нанял три тысячи офицеров. По словам имперского посла Мейерберга, в русской армии было больше ста иностранных полковников и «почти бесчисленное множество капитанов и прапорщиков»²⁰⁸. Формирование новой армии было ускорено страшным разгромом поместного ополчения у Конотопа в июне 1659 года — стало ясно, что средневековая дворянская конница не может сражаться не только со шведами, но и с татарами. К началу 60-х годов было сформировано 55 полков «ино-

земного строя» с русскими солдатами и иностранными офицерами. Дело не ограничивалось формированием солдатских пехотных полков; старую дворянскую конницу учили сражаться в строю и создавали полки рейтар — дворяне, конечно, были недовольны, но после Конотопа им пришлось смириться с новой реальностью. Однако Милославский на всякий случай застраховался от возможных осложнений: в 1657 году были созданы два гвардейских («выборных») солдатских полка, которые разместили в слободах под Москвой²⁰⁹.

Однако оставалась проблема вооружения новой армии. К 1662 году было организовано производство мушкетов на Ченцовском заводе под Тулой — тем не менее оружия не хватало, и свыше 60 тысяч мушкетов было закуплено в Голландии²¹⁰. Но самое главное: нужно было вооружить новую армию *новым оружием*, легкими полковыми пушками. На этот раз пришлось создавать «новое пушечное дело» без шведской помощи — и это оказалось намного труднее. Царь просил прислать из Голландии книгу о том, «какие пушки надобно... и в обозе и в полках... и какими лехкими снастями их возить». Гебдону было предложено срочно «призвать из немецких земель... огнестрельных мастеров, которые б умели стрелять из верхова и ис полкового наряду... и гранатных мастеров, которые составляют составы, как стрелять из верховых и ис полковых пушек»²¹¹. В 1660 году в Голландии было закуплено 300 пушек — по-видимому, это были шведские пушки, поскольку голландцы и прежде продавали России шведские чугунные орудия. По сообщению А. Роде созданием новых моделей русских пушек руководил датский полковник Николай Бауман, причем царь Алексей (подражая Густаву Адольфу?) не только присутствовал на испытаниях, но и сам рисовал чертежи артиллерийских орудий²¹². Одновременно в Новгороде пытались делать «кожаные пушки» (это была шведская модель, предшествовавшая «полковым пушкам»), а на московском Пушечном дворе мастер Иванов отлил шесть 3-фунтовых медных пушек, имевших вес 20 пудов. Однако не всякий литейщик обладал мастерством Иванова, и эти пушки не пошли «в серию»; на вооружение были приняты 2-фунтовые орудия, имевшие тот же вес, но больший запас прочности. В 1664 году в Москве было отлито 60 медных 2-фунтовых пушек; позднее на тульских заводах стали отливать чугунные 2-фунтовые орудия; таким образом, русская армия получила полковые пушки — но менее мощные, чем пушки де Геера²¹³.

Россия не могла сражаться сразу с тремя противниками, Швецией, Польшей и Крымом, поэтому правительство поручило А. Л. Ордину-Нащокину заключить мир со Швецией. Ордин-Нащокин попытался протестовать: он предлагал продолжить войну и, завоевав один

из балтийских портов, прорубить для России «окно в Европу». Однако правительство лучше понимало опасность ситуации; оно отвергло настояния Ордина-Нащокина и заключило мир²¹⁴.

После перемирия со шведами противниками России оставались поляки (которые к тому времени изгнали Карла X) и крымские татары. Летом 1660 года 70-тысячная русская армия под командованием князя Шереметева выступила в поход на Львов; ядро этой армии составляли полки «иноземного строя». Шереметев должен был действовать вместе с новым украинским гетманом Юрием Хмельницким, сыном Богдана Хмельницкого, но украинцы перешли на сторону Польши; в результате русское войско было окружено на Западной Украине превосходящими силами поляков и татар. Окруженные русские построили движущийся табор из телег и полтора месяца отступали, отбиваясь от нападавших со всех сторон врагов. Однако в конце концов в русском таборе закончилось продовольствие, и в безвыходном положении Шереметев подписал соглашение о капитуляции²¹⁵.

Имперский посол Мейерберг дал следующую оценку действиям новой русской армии: «Пехотинцы дерутся превосходно, перестраиваясь на месте, пока находятся за укреплениями или плотно огорожены переносным забором из поперечных брусьев, из которых во все стороны выставлены пики... А конники никогда не показывают опытов такой же военной храбрости, потому что дворян, недостойных этого названия, никак нельзя заставить, чтобы они напали на неприятельский строй... Они бегут, бесстыдно покидая пехоту и подвергая ее плену или смерти»²¹⁶.

Поперечные брусья с пиками, о которых говорит Мейерберг, назывались «испанскими рогатками»; такого рода противокавалерийские «ежи» использовались и в шведской армии. Это был существенный элемент новой тактики регулярных армий: находясь под защитой этих переносных укреплений, солдаты могли отражать атаку кавалерии огнем из мушкетов и пушек²¹⁷. Овладение новой тактикой говорит о том, что несмотря на все неудачи, реформаторы добились своей цели: они создали регулярную армию европейского типа. Они смогли это сделать, не взимая с населения чрезвычайных налогов, с помощью приема, который в наше время называют инфляционной политикой. Как отмечалось выше, этот прием в свое время использовал Густав Адольф, и русские руководители, конечно, знали, к чему привела политика шведского короля: медные деньги со временем обесценились, и начался быстрый рост цен. Однако Густав Адольф успел создать армию и одержать победу; разграбление побежденной Германии решило все финансовые проблемы. Морозов и Милославский

надеялись на победу и шли ва-банк. В первые два года войны на содержание войск было истрачено 1300 тыс. рублей, но курс медных денег был еще достаточно устойчив. Затем — в связи с созданием новой армии — расходы резко возросли, и правительство увеличило чекан медной монеты; за пять лет ее было выпущено на 20 млн. рублей. Естественно, началась инфляция. Обычная цена четверти ржи в Вологде составляла около 90 денег; в конце 1658 года цена выросла до 160 денег, а к осени 1661 года — до 2,5 рублей (500 денег)²¹⁸. «Многие помещики и вотчинники и крестьяне на медные деньги и не продают, — жаловались московские купцы, — и в таком дорогом хлебе... скудные людишки погибают»²¹⁹. 25 июля 1662 года в Москве вспыхнул «медный бунт»: толпа посадских людей требовала выдать ей на расправу «изменников», чеканивших медные деньги — в том числе Милославского и Шорина. К восставшим присоединились и солдаты стоявших под Москвой полков, недовольные тем, что им платят медью²²⁰.

Это было уже второе восстание против правительства реформаторов. На этот раз Милославский учел прошлый опыт и знал, что делать. Были вызваны полки стрельцов, а в подкрепление к ним — все офицеры из Немецкой слободы на Кукуе. Бунт был подавлен, однако положение продолжало ухудшаться; в январе 1663 года четверть ржи в Вологде стоила 24 рубля. Между тем солдатам и офицерам новой армии платили медными деньгами, а крестьяне не продавали хлеб на медь²²¹. «В Быхове хлебных запасов нет, ратные люди едят траву и лошадей», — докладывал смоленский воевода в 1662 году²²². В самом Смоленске на рынке не было хлеба, потому что крестьяне, собрав урожай, прятали его в ямы — боялись, что солдаты отнимут зерно. Дезертирство приняло массовый характер; в Москве сам царь два раза упрашивал войско не покидать службы²²³.

Таким образом, новая армия была создана на медные деньги и начала распадаться, когда эти деньги обесценились. Правительству в конце концов пришлось отказаться от чеканки медяков и вернуться к серебряной монете. Чтобы получить эту монету, реформаторы еще раз использовали прием монополизации внешней торговли. В 1662 году была взята в монополию торговля основными экспортными товарами: пенькой, юфтью, поташем, смолой, соболями, салом, лесом. Все перечисленные товары забирались у купцов с выплатой компенсации медными деньгами и продавались иностранцам за серебро. С 1661 года власти стали собирать стрелецкую подать хлебом, в следующем году, оклад этой подати был увеличен вдвое; в целом помещные крестьяне платили примерно 0,3 пуда с души. С февраля 1663 года солдатам стали платить серебром — но меньше, чем раньше:

одним по 2, а другим по 3 копейки в день. Тем не менее государственные доходы не могли обеспечить содержание армии, и уже в 1664 году правительство начало переговоры о мире с Польшей. Польша была тоже обессилена войной, и в конечном счете России удалось удержать за собой Смоленск и левобережную Украину²²⁴.

Окончание войны позволило уменьшить военные расходы. Половина солдат была отправлена в отпуск без содержания, а другая расквартирована в слободах, где солдаты получали лишь небольшие оклады и подобно стрельцам могли подрабатывать торговлей или ремеслами. По некоторым сведениям, обе эти половины регулярно сменялись, то есть солдаты из гарнизонов отправлялись в отпуска, а отпускники возвращались на службу²²⁵. Но как бы то ни было, регулярная армия сохранялась и в случае необходимости могла быть пополнена новыми наборами «даточных».

Таким образом, русская регулярная армия была создана задолго до петровских реформ — и это признавал сам Петр I. В начале своего манифеста о Воинском уставе Петр писал: «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш... в 1647 году начал регулярное войско употреблять и устав воинский издан был...» Необходимую для новой армии военную промышленность тоже создал не Петр — она была создана Виниусом и Марселисом. Петр Великий продолжал начатые до него реформы — при этом он во многом подражал своим предшественникам: снова вводил соляную пошлину и медные деньги, снова монополизировал внешнюю торговлю и отнимал богатства у церкви.

1.8. НАСТУПЛЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ

В контексте трехфакторной модели создание полков «иноземного строя» было *второй военной революцией*. Как отмечалось выше, первая военная революция в России относится к середине XVI века — она была связана с созданием вооруженной огнестрельным оружием стрелецкой пехоты. В соответствии с теорией, создание новой армии потребовало перераспределения ресурсов в пользу государства, введения новых налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Перераспределение ресурсов вызвало сопротивление аристократии и конфликт между аристократией и монархией. Положение осложнялось тем, что военная революция XVI века происходила в период, когда экономика России находилась в фазе Сжатия. Это обстоятельство до крайности обостряло борьбу за ресурсы, и, в частности, стимулировало конфликт

между аристократией и народом, что также способствовало усилению самодержавия. В итоге совместное действие технологического и демографического факторов привело к *трансформации структуры*, подчинению элиты государством и созданию политического режима, который традиционно называют самодержавием, и который имел много общего с абсолютизмом. С другой стороны, увеличение налогов означало сокращение средств существования народа, что в условиях Сжатия привело к кризису и к демографической катастрофе.

Таким образом, изучая ход и последствия второй военной революции, мы можем сравнить их с результатами первой военной революции. При этом, однако, надо учитывать, что в середине XVII века демографическая ситуация была иной, экономика находилась не в *фазе Сжатия*, а в *фазе роста*, в стране было много свободных земель, и уровень жизни был относительно высоким — вопрос о борьбе за ресурсы не стоял так остро, как раньше.

Так же как во времена Ивана Грозного, трансформация структуры, вызванная второй военной революцией, привела к наступлению самодержавия и отягчению дворянской военной службы.

Как отмечалось выше, Смута нанесла тяжелый удар авторитету власти, и до середины XVII века цари были вынуждены созывать Земские Соборы и считаться с мнением «всей земли». Е. И. Филина считает, что в последние годы правления Михаила Федоровича существовала влиятельная боярская партия, стремившаяся к установлению выборной монархии и видевшая будущим выборным царем датского принца Вольдемара²²⁶. Новая тенденция к централизации проявилась в 1650-х годах одновременно с формированием полков «иноземного строя». Коронование Алексея Михайловича означало поражение боярской партии, создание правительства Морозова сопровождалось массовым нарушением местнических традиций, в результате чего у власти оказались «худородные» дворяне и купцы. Боярская оппозиция проявилась в скрытом подстрекательстве к восстанию 1648 года; оно показало реальную слабость монархии. После восстания царь почувствовал необходимость создания верных гвардейских частей, подобных опричному корпусу Ивана Грозного. Первое время роль избранной гвардии выполняли «стремянные стрельцы»; в 1657 году в дополнение к стрельцам были созданы два гвардейских («выборных») солдатских полка²²⁷.

Таким образом, самодержавие получило военную опору. Первые победы в войне с Польшей резко подняли авторитет царя Алексея. После 1653 года Алексей уже не созывал Земских Соборов, а в царском титуле снова появилось слово «самодержец»²²⁸. Возвышение са-

модержавия вызвало конфликт с патриархом Никоном, и падение Никона показало, что отныне никто не может противопоставлять себя царю. И. Андреев отмечает, что после устранения Никона Алексей уже не давал своим помощникам прежней власти, а правил самовластно²²⁹. Известно, что идеалом Алексея Михайловича был Иван Грозный²³⁰. Дьяк Котошихин писал о царе Алексее, что он «государство свое правит по своей воле... в его воле, что хочет, то учинить может...», в отличие от своего отца, который «хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего»²³¹. В 1650-х годах Алексей Михайлович создал приказ Тайных дел, свою личную канцелярию, в которой царь самовластно решал важнейшие дела и рассматривал подаваемые челобитные. Быстро разрастался бюрократический аппарат, количество приказных людей, прежде бывшее почти постоянным, в 1656–1677 годах возросло вдвое, а к 1698 году — еще почти в два раза²³².

«Алексей I являлся очень крупным представителем государственной централизации и самодержавного строя, который он окончательно укрепил», — писал Д. И. Иловайский²³³; такого же мнения придерживались А. Н. Сахаров и другие участники дискуссии 1960–1970-х годов о становлении абсолютизма в России²³⁴. В 1670-х годах авторитет самодержавия был непререкаем²³⁵. Аристократия не оказывала, как прежде, сопротивления самодержавию, потому что она была уже сломлена Смутой и казнями Ивана Грозного.

Наиболее сильный удар по боярской аристократии был нанесен отменой местничества при царе Федоре Алексеевиче в 1682 году — это было осуществление давнего намерения Ивана Грозного. Характерно, что реформа была подана ближним царским советником князем В. В. Голицыным как военная необходимость в связи с переформированием поместного ополчения в регулярную конницу «иноземного строя». Отмена местничества натолкнулась на противодействие знати, которая в качестве компенсации стала добиваться установления пожизненных наместничеств — однако этот боярский проект был отвергнут²³⁶.

Трансформация структуры требовала преобразования дворянской конницы в соответствии с потребностями военной реформы. Как отмечалось выше, военная революция XVI века сопровождалась поместной реформой и введением более тяжелых норм службы «детей боярских». Подобные процессы происходили и во время второй военной революции. В преддверии польской войны при создании полков «иноземного строя» было указано сыновей и братьев дворян, еще не верстанных в службу, отправлять в солдаты — причем в случае

отказа «быть им в земледельцах»²³⁷. В этом указе можно увидеть предвозвестие требования Петра I, чтобы все дворяне начинали службу солдатами. Во время войны мелкопоместных дворян также стали направлять на службу в полки «иноземного строя» — но не в солдаты, а преимущественно в рейтары. По указу 1678 года служба в дворянском ополчении была разрешена только тем дворянам, которые имели больше 24 крестьянских дворов. Рейтары обучались регулярному строю, получали жалование и оружие из казны, но лошадей покупали сами. Во время войны с Польшей в рейтары «прибирали» и недворян, но после войны недворяне по большей части были уволены, и рейтары превратились в дворянскую конницу «иноземного строя»; в 1663 году имелось 18 тыс. рейтар (и 15 тыс. в дворянском ополчении), в 1680 году — 30 тыс. рейтар (и 16 тыс. в ополчении)²³⁸. Естественно, что дворяне были недовольны этими военными реформами, и шведский резидент Форстен сообщал, что в восстании 1662 года наряду с горожанами и солдатами участвовали также «некоторые обедневшие дворяне»²³⁹. О недовольстве дворянства в связи с военной реформой писал также Ю. Крижанич²⁴⁰.

Как отмечалось выше, в середине XVII века значительная часть дворян не имела крепостных. В особенности много было таких дворян в южных областях, где с конца XVI века существовала практика верстания казаков и крестьян в «дети боярские». В 1670–1680-х годах на Юге были проведены переписи служилых людей, в ходе которых всех «детей боярских», не имевших крестьян («однородцев»), исключили из числа рейтар и определили в солдаты. Позже, при Петре I, было указано считать однородцев государственными крестьянами — таким образом, они лишились дворянского статуса²⁴¹. В итоге переформирование дворянского сословия привело к значительному уменьшению численности дворянства: если в 1651 году служилых дворян было 39 тыс., то в 1700 году количество дворян-помещиков равнялось 22–23 тыс.²⁴²

В целом реформа привела к усилению самодержавия и к подчинению дворянства центральной власти. Последствия «дворянской революции», выразившиеся в падении военной дисциплины среди дворянства, были постепенно нейтрализованы. Будучи включена в новые рейтарские полки, дворянская конница была вынуждена подчиняться более строгим и обременительным условиям военной службы.

Как и в XVI веке, создание армии привело к финансовым реформам и перераспределению ресурсов в пользу государства²⁴³. В 1676 году была начата новая всеобщая перепись земель, подобная

тем, которые проводились при Иване Грозном. Как отмечалось выше, попытка проведения такой переписи после Смуты закончилась неудачей, и вот теперь правительство вновь пыталось восстановить систему точного учета земель. Перепись встречала сопротивление помещиков, которые желали скрыть свои земли от обложения, поэтому она затянулась и продолжалась двадцать лет, пока в конце концов Петр I не осуществил переход к подушному налогообложению²⁴⁴.

Поскольку работы по проведению переписи затягивались, а финансовая проблема требовала немедленного решения, то в 1679 году временно, до окончания переписи, было введено подворное обложение (количество дворов к этому времени было уже подсчитано). Поместные крестьяне с этого времени платили со двора 3 пуда «стрелецкого хлеба» и 20 копеек «ямских и полоняничьих денег», в хлебном исчислении примерно 0,7 пуда на душу, в полтора раза больше, чем прежде (см. табл. 1.1.). В 1680 году обычные доходы казны составляли 950 тыс. рублей и 1,6 млн. пудов хлеба, что в сумме было эквивалентно 23 млн. пудов — даже меньше, чем в конце XVI века. Правительство не решалось увеличивать налоги, выплачиваемые основной частью населения, поместными крестьянами, и прямые налоги давали лишь около трети денежных доходов, остальное составляли кабацкие и таможенные деньги. На армию расходовалось около 700 тыс. рублей²⁴⁵, однако этого было недостаточно, чтобы содержать полки «иноземного строя» на постоянной основе; после войны солдат отпускали по деревням, и на время мира они становились крестьянами. В 1688 году «стрелецкий хлеб» был увеличен до 5 пудов со двора, и налоги стали составлять 0,9 пуда с души. Таким образом, процесс перераспределения ресурсов начался еще в 1670-х годах — но решающий шаг в этом направлении был сделан Петром I.

Новое отягчение налогов обернулось в некоторых регионах тяжелыми демографическими последствиями — катастрофой, во многом подобной катастрофе 1568–1571 годов. Не имея возможности существенно увеличить налоги поместных крестьян, правительство поначалу пошло по пути усиления обложения черносошного крестьянства. Основной массив черносошного крестьянства располагался на Севере — в Поморье и на Вятке. В 1663–1668 годах вятские крестьяне платили около 10 пудов хлеба со двора²⁴⁶ или примерно 2 пуда с души и, за исключением последнего года, платили без недоимок. Однако дальнейшие события показали, что происходит, если размеры налогов превосходят допустимый предел. В 1668/69 году правительство предписало вятчанам платить вместо хлеба деньгами, и в результате этой коммутации на двор пришлось 2 рубля налога, а на душу — при-

мерно 40 копеек; по вятским ценам, это было эквивалентно 4 пудам хлеба²⁴⁷. Так как крестьяне для уплаты налогов выбросили на рынок большое количество зерна, то цены стали снижаться; в 1674/75 году они упали вдвое. Платежи со двора в этот год составляли 2 рубля 70 копеек, это было эквивалентно 54 пудам хлеба, более 10 пудов с души! Недоимки копились из года в год, правежи становились все более жестокими, у крестьян отбирали последнее — в конечном счете на рубеже 70–80-х годов разразился страшный трехлетний голод. Население разбегалось, «последние вятчаниа, покиня свои дворы и деревни, бредут врозь», — говорилось в крестьянской челобитной²⁴⁸.

В 60–70-х годах непомерные налоги разорили не только Вятку, та же картина наблюдалась во всех «черных» уездах Севера. Однако, в отличие от Вятки, на Двине ощущалось действие еще одного негативного фактора — перенаселения. Как отмечалась выше, бедствия Смутного времени вытеснили часть населения из центральных районов на Север и в 20-е годы здесь наблюдался относительно высокий уровень распашки (принимая во внимание неблагоприятные условия этого региона). Рост налогов привел к тому, что многие крестьяне не могли заплатить налоги и, спасаясь от «правежей», бежали в Сибирь; получавшиеся недоимки раскладывались на оставшихся. Северяне жаловались в Москву, что «тех денег сполна не выплачивают за пустотою, потому что у них многие тягла запустели и взять тех денег не на ком, и достальные посадские и уездные люди от непомерного правежа бегут в Сибирские разные города»²⁴⁹. В конце концов бегство тяглого населения вызвало цепную реакцию неплатежей; к 1671 году поступления по Устюжской «четверти» упали более, чем в три раза. На Вологодчине разразился страшный голод — цена четверти ржи достигала 2 рублей 70 копеек. Крестьяне толпами уходили из северных областей; в 1646 году в Устюжском уезде насчитывалось 9,5 тыс. дворов, а в 1670–7 тыс., но эти цифры не отражают реальной убыли: ведь до начала 60-х годов население возрастало и достигло, возможно, 11–12 тыс. дворов. Население продолжало уменьшаться и дальше; в 1679–1686 годах произошла катастрофа в Тотемском уезде: число жителей здесь сократилось на 40%; пятую часть оставшихся составляли нищие²⁵⁰. Эти данные показывают, что на Севере кризис был более разрушительным, чем на Вятке.

Таким образом, разорение северных уездов было *структурным кризисом*, порожденным военной революцией и перераспределением ресурсов в структуре «государство — элита — народ» в пользу государства. Кризис достигает особой остроты в перенаселенных областях, где положение было тяжелым и раньше — с увеличением нало-

гов оно стало невыносимым. В целом, однако, структурный кризис имел локальный характер: он распространился только на северные «черные» земли.

1.9. ВОССТАНИЕ СТЕПАНА РАЗИНА

Война с Польшей началась вскоре после «рокоша» 1648 года, закончившегося победой дворянства и утверждением крепостного права. Как отразилось это событие на положении помещичьих крестьян? Последствия отмены «урочных лет» сказались не сразу: ведь реальный механизм сыска беглых еще не существовал, и крестьяне продолжали уходить от помещиков. Бояре и церковь по-прежнему сманивали крестьян на «льготу»; в 50-х годах приказчики патриарха Никона разъезжали по казанским уездам и уводили от помещиков тысячи крестьян. Возможно, затягивание исполнения решений о закрепощении было тактикой правительства реформаторов – однако это не могло продолжаться вечно. В 1657 году поместное ополчение перед походом собралось в Москве, и дворяне подали царю новую челобитную: они требовали организации сыска беглых. В 1658 году были впервые посланы сыщики по уездам выявлять бежавших крестьян; затем они посылались ежегодно. В 1661 году было установлено, что землевладелец, принявший крестьянина, должен в качестве штрафа отдать четырех своих крестьян. Сыск беглых в 60-х годах стал грандиозным предприятием, охватившим всю страну: были пойманы и возвращены прежним владельцам десятки тысяч крестьян²⁵¹.

Необходимо отметить, что хотя прикрепление к земле означало потерю крестьянами свободы передвижения, в других отношениях они оставались свободными людьми. Крестьяне владели своим имуществом, которое не мог отнять помещик, могли вступать в финансовые сделки, брать на себя денежные обязательства. Крестьяне могли жаловаться в суд, в том числе и на господские поборы «через силу и грабежом»; они могли по суду возратить себе насильственный перебор. Крестьянин не мог быть лишен земли и превращен в дворового; помещик был обязан наделить своего крестьянина землей и в случае необходимости инвентарем. В то же время помещики издавна обладали судебной властью над крестьянами в гражданских делах, и вместе с прикреплением крестьян это создавало благоприятную почву для дальнейшего наступления на крестьянство²⁵².

Это наступление началось в 1660-х годах, когда экономическая обстановка побудила помещиков к увеличению барщины. Ю. А. Тихонов

приводит данные о двойном увеличении барщины в отдельных селах коломенского уезда между 1640 и 1662 годами. Средний размер барщины в 60-х годах составлял 0,66 десятины на душу; эта величина вдвое превосходила средние нормы 30–40-х годов. Усиление эксплуатации вызвало немедленный отпор крестьян: в 1670 году началось восстание Степана Разина. Восстание вспыхнуло на Дону, где скопились беглые крестьяне из центральных районов, «голутвенное казачество». Вследствие своей многочисленности казаки страдали от голода; сначала они попытались «добыть зипунов» набегом на Персию, а потом обратились против московского правительства, против ненавистных бояр и дворян. В июне 1670 года казаки овладели Астраханью, а в конце июля десяти тысячное казачье войско на двухстах стругах двинулось вверх по Волге; приволжские города без сопротивления открывали ворота, народ выходил встречать казаков хлебом-солью. Разин рассылал во все стороны своих есаулов; казаки приходили в деревни и читали призывающие к восстанию «прелестные письма». Призывы попали, как огонь в стог сена, — в начале осени «полыхнула» вся степная Россия от Воронежа до Самары. Ненависть закрепощаемых крестьян наконец нашла выход: все брались за топоры и вилы, повсюду горели дворянские поместья. «Дворян и детей боярских побили с женами и детьми и дома их все разграбили», — свидетельствует симбирский летописец²⁵³. Повсюду собирались повстанческие отряды — в пять, десять, пятнадцать тысяч человек; были взяты Саранск, Пенза и пятьдесят других городов. В начале сентября главное войско Разина подступило к Симбирску, но после упорных боев восставшие потерпели поражение, и казаки с раненым Разиным ушли на Дон.

Между тем царское войско князя Долгорукого обрушилось на пензенских и тамбовских повстанцев. В октябре и ноябре на пространстве между Волгой и Доном кипели ожесточенные бои, но в конце концов восставшие были разбиты. Выходившие из Арзамаса карательные отряды жгли деревни и истребляли всех подряд — было убито свыше 100 тысяч крестьян. «Место сие являло зрелище ужасное и напоминало собой преддверие ада, — говорит свидетель событий об Арзамасе, — вокруг были возведены виселицы, и на каждой висело человек 40, а то и 50. В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы с посаженными на них мятежниками, из которых немалое число было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны...»²⁵⁴. Дворяне хотели поразить «чернь» ужасом, чтобы она не смела восставать против господ, чтоб смиренно несла свой хомут.

Восстание Степана Разина в основных чертах повторило крестьянскую войну начала XVI века. Это было восстание беглецов

из центральных уездов, которые ушли на Юг, спасаясь от крепостного права. Но правительство не давало им спокойно жить на Юге, и тогда они пошли на «Русь», поднимать на бунт крепостных крестьян. Эта схема крестьянской войны повторится еще дважды во времена Булавина и Пугачева. Восстание Богдана Хмельницкого также развивалось по этому сценарию. Инициаторами восстания были люди, сумевшие бежать на Юг и выжить в обстановке преследований; это были самые сильные и самые свободолюбивые из миллионов крестьян России. Поэтому понятна самозабвенная любовь к свободе и ненависть к крепостникам, которая звучит в призывах Разина: «За дело, братцы! — писал вождь восстания в „прелестных письмах“. — Ныне отомстите тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки и язычники! Я пришел вам дать свободу и избавление, вы будете моими братьями и детьми — будьте только мужественны!»²⁵⁵ Становится понятным и ожесточение борьбы, когда повстанцы убивали дворян вместе с их семьями, а дворяне устраивали «преддверие ада» в Арзамасе.

После восстания Разина барщинные нормы стали уменьшаться, и в 1680–1700 годах средняя барщина составила 0,36 десятины на душу²⁵⁶. Таким образом, норма барщины уменьшилась вдвое и практически вернулась к тем небольшим размерам, которые были характерны для периода до закрепощения. Это уменьшение отчасти объясняется «испугом» помещиков, но оно имеет и экономические причины — а именно, падение цен на хлеб. Когда в 1670–80-х годах цены резко упали, рентабельность барщинного хозяйства снизилась, поэтому многие помещики сократили запашку и стали покупать хлеб на рынке.

Таким образом, закрепощение крестьян к 1690-м годам привело к увеличению барщины. Денежный оброк также формально оставался примерно на одном уровне — однако реально падение цен на хлеб привело к тому, что тяжесть оброка возросла до 3,5–4 пудов с души (см. табл. 1.3.). Более существенный выигрыш дворянство получило не от увеличения ренты, а от увеличения числа крестьян в поместьях вследствие прекращения бегства. Этот процесс начался еще до 1649 года. В 1626–1627 годах в Шелонской пятине Новгородчины на одно владение приходилось в среднем 3,8 двора и 6,2 крестьянина мужского пола, в 1646 году — уже 6,8 двора и 22,1 крестьянина, в 1678 году — 7,5 двора и 29,1 крестьянина. Более общие данные по всей Новгородской земле приведены в табл. 1.5.

Как следует из таблицы 1.5, две трети новгородских помещиков были мелкопоместными, у них было менее 10 крестьян мужского

Табл. 1.5. Среднее число крестьян мужского пола (включая бобылей и дворовых) в поместьях и вотчинах Новгородской земли ²⁵⁷.

Год	Число владений	Число крестьян на одно владение		
		В среднем	Богатая треть	Остальные ⅔
1646	1540	14,9	36,2	4,2
1678	1901	26,4	60,1	9,0

го пола. Тем не менее в целом положение дворянства значительно улучшилось, на Новгородчине уже не было пустых поместий и диспропорция между численностью дворянства и крестьянства была в значительной степени преодолена. Помимо прекращения бегства крестьян существенное значение имело сравнительно медленное увеличение численности дворянского сословия при очень быстром росте населения²⁵⁸.

Дальнейшие изменения в положении дворянства были связаны с военной реформой и с переводом большого числа дворян-однодворцев в солдаты. После исключения однодворцев в целом по стране в 1700 году на одного помещика приходилось 19 крестьянских дворов и 70 крепостных мужского пола (если считать по 3,68 крестьянина на двор). Однако средние цифры скрывают за собой наличие большой группы мелкопоместных дворян и концентрацию огромных владений у земельной аристократии. Дворяне, имевшие от одного до пяти дворов, составляли около половины (47%) всех помещиков, и в среднем у них было всего лишь по 2,4 крестьянских двора и по 8,8 крестьянина мужского пола. С другой стороны, 464 богатейших помещика (и вотчинника) владели 42% всех крепостных, на каждого из них приходилось в среднем 355 дворов, то есть примерно по 1300 душ мужского пола²⁵⁹.

1.10. ТРАДИЦИИ И ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Возвращаясь к описанию роли технологического (диффузионного) фактора, необходимо, прежде всего, дать краткую характеристику соотношения восточных и западных компонентов в российском обществе XVII века, в его социальной и материальной культуре. Европейцам, посещавшим Россию в этот период, бросалось в глаза отличие

русских обычаев и порядков от привычных им. «И поныне у них оканчивается мало европейских черт, а преобладают азиатские, — отмечал в 1680 году тосканский посол Яков Рейтенфельс. — Покрой одежды, пышность при общественных торжествах, обычный способ ведения хозяйства, приемы управления государством, весь, наконец, строй жизни отзывается у них более азиатской необузданностью, нежели европейскою образованностью...» Рейтенфельс описывает восточные обычаи русских: они имеют обыкновение спать после обеда, берут пищу с блюда пальцами, при встрече целуют друг друга или отвешивают глубокие поклоны, постоянно упражняются в верховой езде и стрельбе из лука, свободное время, как персы, проводят за игрой в шашки²⁶⁰. «Пренебрегая каменными домами, они совершенно справедливо полагают, что гораздо здоровее, по причине сильных и постоянных холодов, запираяться, подобно татарам и китайцам, в деревянные»²⁶¹. Голландский путешественник Ян Стрейс писал, что в Москве много общественных бань, подобных турецким и персидским, что вследствие закона об одежде каждый должен одеваться по назначенному ему образцу, что «они пишут на коленях, хотя бы перед ними и стоял стол», что женщин «держат взаперти, почти как турчанок»²⁶². Придворный врач царя Алексея Михайловича Самуэль Коллинс добавляет, что «красотою женщин почитают они толстоту», что женщины, чтобы понравиться мужьям, чернят свои зубы и белки глаз²⁶³.

К восточным обычаям относилось и почитание царя. «Приветствуя же царя, они обыкновенно распростираются ниц всем телом по земле», — отмечает Я. Рейтенфельс²⁶⁴: это был китайский обычай «челобития», «коу тоу»²⁶⁵. Такого же коленопреклонения требовали от западных послов, одаряя их взамен, по восточному обычаю, шубами²⁶⁶. Московиты почитали царя наравне с Богом: «Мосхи постоянно открыто всюду заявляют, что Богу и царю все возможно и все известно, что только Богу и царю они готовы отдать все, что только имеют наилучшего, и даже самую жизнь»²⁶⁷.

В начале XVII века обычаи царского двора не отличались от народных, и москвичи чутко реагировали на случаи их нарушения: когда стало известно, что Лжедмитрий не спит после обеда, сразу же распространился слух, что царь «подмененный». Для Михаила Федоровича итальянские мастера построили каменный дворец, но он предпочитал жить в деревянных хоромах, находя их более здоровыми²⁶⁸. Алексей Михайлович был настолько набожен, что стоял на службе 5–6 часов и отбивал по тысяче земных поклонов²⁶⁹. В 1648 году царь официальным указом запретил работать по воскресеньям и праздникам, обязал всех ходить в церковь и соблюдать пост, а также запретил

играть в карты и шахматы, приказал уничтожить музыкальные инструменты и т. д.²⁷⁰ Тогда же было запрещено курение, выращивание и продажа табака²⁷¹. В 1675 году Алексей Михайлович повелел объявить придворным, чтобы они «иноземных немецких и иных изыскаев не перенимали, волос у себя на голове не подстригали, а также платья, кафтанов и шапок у себя не носили и людям своим потому же носить не велели»²⁷². Летний дворец, построенный царем в Коломенском, имел вид русского терема: он был украшен резьбой и флюгерами и расписан внутри русским иконописцем Федором Ушаковым и армянином Иваном Салтановым. Царский трон Алексея Михайловича был сделан персидскими мастерами, а корона была привезена из Константинополя. Однако во дворце было множество зеркал и часов — это были первые признаки культурного влияния Европы²⁷³.

Европейское культурное влияние прокладывало себе дорогу через экономические новации. При Алексее Михайловиче инициатором этих новаций выступал Б. И. Морозов; в своем обширном хозяйстве он экспериментировал с различными сельскохозяйственными культурами и осваивал новые по тем временам промыслы: разводил рыбу в искусственных прудах, занимался садоводством, создавал конские заводы. Новаторский дух этого предпринимателя хорошо отражает случай, произошедший в 1651 году: узнав, что полковник Крафорд имеет привезенные из Европы семена новой масленичной культуры, Морозов предложил ему лучшие земли и послал нескольких крестьян учиться у Крафорда²⁷⁴. С помощью немецких монахов было заведено виноделие в Астрахани, и в 1658 году ко двору было доставлено оттуда больше тысячи ведер красного вина²⁷⁵. В 1659 году Морозов познакомился с известным славянским просветителем Юрием Крижаничем, который приводит в своем трактате «Политика» множество социально-экономических рекомендаций в духе эпохи Просвещения. «Отчего я не молод, чему бы я еще смог научиться!» — воскликнул Морозов после беседы с Крижаничем²⁷⁶.

А. И. Заозерский считает, что Морозов передал дух новаторского предпринимательства своему воспитаннику, царю Алексею: Алексей не раз бывал в морозовском поместье Покровское и был в курсе проводимых там хозяйственных экспериментов²⁷⁷. В те времена ботанические сады были в моде в Европе. Марселис привез царю подарок герцога гольштинского — садовые розы из Готтфордского сада; Виниус достал саженцы персика, абрикоса, миндаля, испанской вишни²⁷⁸. В 1662 году направлявшимся в Англию послам было приказано привезти оттуда «семян всяких». В 1664–1665 годах царь основал собственное экспериментальное хозяйство, поместье Измайлово; были

разосланы гонцы, чтобы привести из различных мест семена или саженцы винограда, тутового дерева, хлопчатника, красильной травы марены, грецкого ореха и многих других культур. Попытки разведения тутовых деревьев и хлопчатника, естественно, закончились неудачей, но эксперименты продолжались: было освоено мануфактурное производство льняных тканей, построен сафьянный завод, два стекольных и три железоделательных завода²⁷⁹.

Эксперименты и новшества вскоре вышли за рамки царского хозяйства. Еще в 1657 году царь приказывал своему голландскому эмиссару Гебдону нанять «алхимистов самых ученых, рудознатцев серебряных, медных и железных». Начиная с 1666 года нанятые «рудознатцы» отправляются с экспедициями для разведки руд в различные районы страны. Выдвигались торговые проекты, еще в 1663 году московский посол пытался договориться с курляндским герцогом об отправке кораблей в Индию. Переговоры закончились неудачей, тогда московское правительство стало искать торговые пути на юге. Торговый путь через Каспийское море уже давно привлекал к себе внимание западных купцов, просивших у Москвы разрешения организовать транзит персидского шелка в Европу. В 1663 году с «великим посольством» в Персию была отправлена большая торговая экспедиция, которая привезла товаров на 80 тысяч рублей²⁸⁰.

В 1665–1667 годах главой московского правительства стал А. Л. Ордин-Нащокин, «царственных и государственных посольских дел боярин». Ордин-Нащокин организовал для Посольского приказа регулярный перевод иностранных газет (время от времени они переводились и раньше) и присылку большого количества книг²⁸¹. В это время во множестве печатаются переводные польские книги; если в первой половине XVII века было переведено с европейских языков лишь 13 книг, то во второй половине — 114 книг²⁸². Вслед за переводной беллетристикой появляются и первые русские повести, например, «История о российском дворянине Фроле Скобееве»²⁸³.

Одним из ближайших сотрудников Ордина-Нащокина был проживавший в Москве голландский купец Иоганн ван Сведен. Ван Сведен построил первую в России бумажную мельницу и первую суконную фабрику. В 1665 году Ордин-Нащокин поручил ван Сведену организацию регулярной почтовой службы, а в 1667 году — строительство первого корабля для каспийского флота²⁸⁴. Прежде на Каспии плавали допотопные «царские бусы», обшивку которых вязали лыком, без гвоздей, так что эти суденышки годились только на один — два рейса²⁸⁵. Теперь же предполагалось завести настоящий торговый флот, и первый корабль этого флота, «Орел», был построен весной

1669 года; он спустился по Волге к Астрахани, но был захвачен здесь казаками Разина. Тем не менее Ордин-Нащокин подписал договор с армянской компанией о транзите персидского шелка через Россию, и со временем эта торговля стала весьма значительной. В правление Софьи князь В. В. Голицын построил два фрегата, которые доставляли шелк из Шемахи в Астрахань²⁸⁶.

Вторым лицом в правительстве 1660-х годов был окольный Богдан Матвеевич Хитрово, друг царя и ближайший поверенный его личных дел. Как и Ордин-Нащокин, Хитрово был «западником», и говорили, что он получает от голландцев большие деньги²⁸⁷. Под влиянием Хитрово царь назначил воспитателем своих детей западнославянского просветителя Симеона Полоцкого, который учил их латинскому и польскому языкам, и даже сочинению стихов. Полоцкий был одним из первых русских церковных философов и поэтов (он писал на церковнославянском языке), одно время он руководил школой в Спасском монастыре, которая знакомила с польской культурой молодых дипломатов и чиновников из Тайного приказа. Полоцкий содействовал также и распространению западной живописи, в это время появились первые царские парадные портреты и пейзажи, которыми украшали не только дома, но и аллеи парков²⁸⁸.

После смерти Алексея Михайловича на престол взошел ученик Симеона Полоцкого царь Федор Алексеевич (1676–1682). Молодой царь Федор был женат на польской дворянке Агафье Грушецкой, он знал латинский и польский языки и был поклонником польской культуры. Федор приказал придворным носить польские кафтаны; это был символический акт культурной переориентации с Востока на Запад, и царский летописец Адамов четко передал идейный смысл реформы: «платье народу российскому повелел носить от татар отменное»²⁸⁹. Новый царь попытался заставить москвичей строить каменные дома, приказал восстановить славяно-латинскую школу в Спасском монастыре и назначил ее руководителем другого ученика Полоцкого, Сильвестра Медведева²⁹⁰.

В 1682 году смерть царя Федора, тяжелая болезнь его брата Ивана и малолетство другого наследника, Петра, вызвали кризис самодержавия. На арену снова вышли боярские группировки, начавшие борьбу за власть под видом поддержки царя Петра или царя Ивана. В эту борьбу вмешались московские стрельцы, недовольные злоупотреблениями своих начальных людей и опасавшиеся роспуска стрелецкого войска (стрелецкие полки вне Москвы уже были преобразованы в солдатские)²⁹¹. Князь Хованский, возбуждая стрельцов, кричал, что «и вас, и нас отдадут в неволю чужеземному врагу, Москву

погубят, а веру православную истребят»²⁹². Это была *традиционалистская реакция*, направленная против военной реформы, проводимой по иноземному образцу.

Единственным представителем царской семьи, способным поддержать авторитет власти в обстановке начавшейся анархии, оказалась царевна Софья. Она укрылась вместе с братьями в Троице-Сергиевой лавре, призвала на помощь поместное ополчение и привела стрельцов к покорности. Таким образом, в критический момент монархия нашла опору в дворянстве; другой опорой Софьи стала боярская аристократия. В силу своего положения Софья не могла проявлять самовластие и поэтому искала поддержки знати, в большом количестве раздавая думные чины. Современники свидетельствуют, что Софья правила вместе с боярами²⁹³.

Бояре, как и стрельцы, не были заинтересованы в сохранении полков «иноземного строя». Правительство было вынуждено пойти на уступки традиционалистам: около четырехсот иностранных офицеров (примерно треть) было уволено, и на службе остались только обрусевшие «немцы», которых принимали «по выбору»²⁹⁴. С другой стороны, дворянство воспользовалось слабостью центральной власти и уже во время сбора в Троице-Сергиевой лавре предъявило ей свои сословные требования, в первую очередь касавшиеся усиления сыска беглых крепостных. Другой уступкой дворянству был указ 1684 года, установивший, что поместья (даже большие) после смерти их владельца остаются в роду и делятся между наследниками сверх их поместных окладов — несмотря на то, что наследники не выслужили этой прибавки. Указ 1688 года разрешал продажу вотчинных крестьян без земли; указы 1688 и 1690 годов санкционировали право владельцев обменивать как вотчины, так и поместья. К концу XVII века различие между поместьем и вотчиной почти стерлось; поместья передавались по наследству по мужской линии, отдавались вдовам и незамужним девушкам «для прокорму» и иногда даже продавались²⁹⁵.

Традиционалистская политика Софьи была вынужденной. Как и ее брат, царь Федор, Софья училась у Симеона Полоцкого; по некоторым сведениям, царевна владела польским языком. После смерти Полоцкого место духовника и наставника Софьи занял другой сторонник сближения с Западом, Сильвестр Медведев²⁹⁶. Первым помощником Софьи в государственных делах (и ее возлюбленным) был начальник Посольского приказа известный «западник» князь В. В. Голицын. По свидетельству де ла Невилля, Голицын знал польский язык, он разрешил иностранцам свободный въезд в Россию, позволил дворянам посылать детей на обучение в Польшу, допустил в стра-

ну иезуитов и часто беседовал с ними. Ходили слухи, что Голицын намеревался сделать Сильвестра Медведева патриархом с тем, чтобы объединить греческую и латинскую церкви²⁹⁷. Эти планы (или слухи о них) вызвали яростный протест патриарха Иоакима, который стал главным врагом Голицына и Софьи.

В 1687–1689 годах, во время войны с Турцией, Голицын был вынужден снова обратиться к найму иностранных офицеров, чтобы доукомплектовать 75-тысячное войско «иноземного строя». Знать (по польскому образцу) была расписана по регулярным ротам во главе с ротмистрами и хорунжими. Протестуя против этих нововведений, князья Б. Ф. Долгоруков и Ю. А. Щербатов явились на смотр, одетые вместе со своими людьми в черное траурное платье. Позже к протесту знати присоединился и патриарх Иоаким, который публично предрек несчастье армии, зараженной присутствием офицеров-иноверцев. Поход действительно закончился неудачей — и патриарх сразу же напомнил о своем пророчестве²⁹⁸.

Неудача крымских походов пошатнула положение Софьи и Голицына. Когда в 1689 году вспыхнул конфликт между Софьей и царем Петром, патриарх Иоаким и многие князья (в том числе Долгоруковы и Щербатовы) немедленно перешли на сторону молодого царя²⁹⁹. Таким образом — как это ни странно — победа Петра была обусловлена поддержкой традиционалистской партии. По словам М. М. Богословского, царь «в этой борьбе был все же гораздо более символом, чем активно действующим лицом с собственной инициативой»³⁰⁰. Поглощенный своими потехами, царь не занимался государственными делами, и власть оказалась в руках патриарха Иоакима и традиционалистски настроенных бояр, родственников матери Петра Натальи Нарышкиной. Де ла Невиль писал, что «те, кто радовался падению Голицына, вскоре раскаялись в его гибели, так как Нарышкины, которые управляют ими в настоящее время, будучи необразованны и грубы, начали... уничтожать все, что этот великий человек ввел нового...»³⁰¹ Сильвестр Медведев был казнен, иезуитам пришлось покинуть Россию, полки «иноземного строя» были распущены по домам, а большинство иностранных офицеров были уволены.

В конечном счете боярское правление тяжело отразилось на дисциплине дворянства и состоянии полков «иноземного строя». В 1695 году, при первом походе на Азов, в боевой готовности оказалось лишь 14 тыс. солдат; остальное 120-тысячное войско состояло из ратников «русского строя», то есть из стрельцов и поместного ополчения. Впоследствии, в 1717 году, князь Я. Ф. Долгорукий говорил Петру, что его отец устроением регулярных войск путь ему

показал, «да по нем несмысленные все его учреждения разорили», так что Петру пришлось почитать все вновь делать и в лучшее состояние приводить³⁰².

Таким образом, ослабление самодержавия было обусловлено в основном случайными факторами, но оно открыло дорогу традиционалистской реакции и привело к тому, что результаты второй военной революции были отчасти утрачены.

1.11. ВЫВОДЫ

В какой мере трехфакторная модель может объяснить развитие России в XVII веке?

Социально-экономическое развитие России в этот период определялось главным образом последствиями кризиса и демографической катастрофы времен Смуты. В соответствии с демографически-структурной теорией мы наблюдаем в XVII веке характерные признаки *периода восстановления*: наличие большого количества свободных земель, низкий уровень земельной ренты и налогов, относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел.

Специфической особенностью этого периода, казалось бы, противоречащей общей теории, было значительное развитие аренды. Это объясняется тем, что аренда была способом ухода от государственного налогообложения; что же касается размеров арендной платы, то она была низкой (что согласуется с теорией).

В плане динамики экологической ниши наиболее важным обстоятельством была вновь начавшаяся после строительства «Белгородской черты» колонизация черноземных областей. Эта колонизация стала возможной в результате военной революции XVI века, приведшей к созданию вооруженного огнестрельным оружием стрелцкого корпуса, — то есть в результате действия *технологического фактора*. В итоге сочетание процесса восстановления в центральных областях с быстрой колонизацией Юга обусловило очень быстрый рост населения. При этом экологическая ниша и посевные площади, по-видимому, *расширялись даже быстрее, чем росло население*; это объясняет падение хлебных цен в конце столетия и сохранение относительно высокого уровня жизни на протяжении всего периода (за исключением северных областей).

Р. Крами отметил, что такое поведение цен не соответствует обычным представлениям демографически-структурной теории, которая (по Дж. Голдстоуну) рассматривает лишь случай, когда ресурсы пахотных земель не расширяются³⁰³. В России, как подчеркивает Р. Крами, посевные площади расширились за счет освоения плодородного пограничья — следовательно, на наш взгляд, такое поведение цен вполне объяснимо.

Классическая теория демографических циклов делит цикл на три периода: периоды восстановления, Сжатия и экосоциального кризиса. Однако *российский демографический цикл был уникальным: технологический фактор обеспечил значительное расширение экологической ниши русского народа, и вслед за периодом восстановления в XVII веке начался период колонизации новых земель, период роста, продолжавшийся на протяжении всего XVIII века.*

Обращаясь к демографически-структурному анализу, можно констатировать, что экосоциальный кризис времен Смуты не снял диспропорции между численностью крестьян и численностью дворянства. Этот дисбаланс усугублялся уменьшением ренты, поэтому дворянство требовало предоставить ему возможность повысить ренту путем более эффективного прикрепления крестьян к земле. В конечном счете усиливающееся давление дворянства заставило правительство утвердить крепостническое Уложение 1649 года. Помимо демографического фактора в направлении закрепощения действовал также фактор диффузии — тенденция к перениманию польско-литовских порядков, обусловленная военным превосходством Польши.

С теоретической точки зрения, закрепощение представляло собой *трансформацию структуры* — качественное изменение отношений между ее элементами, в данном случае, между элитой и народом. Утверждение крепостного права и расстройство хлебного рынка в 1660–1670-х годах обусловили отмечаемое в этот период увеличение барщины. Это наступление дворян, как и в начале XVII века, натолкнулось на сопротивление крестьянства. Однако с точки зрения теории, условия крестьянских восстаний в начале и в конце XVII века были разными: в 1670-х годах не было той фрагментации элиты, которая расколола дворянство в начале XVII века, и отсутствовал династический кризис. В итоге крестьянско-казацкое восстание не переросло в Смуту и было быстро подавлено. Однако, так же как и Смута, это восстание на время остановило наступление дворянства и (вместе с экономическими факторами) привело к уменьшению ренты до прежних размеров. Тем не менее к концу столетия положение дворянства улучшилось в результате быстрого роста

крестьянского населения при относительно медленном росте численности помещиков.

Состояние государства в период после Смуты характеризуется слабостью финансового аппарата, уменьшением налогов и распадом военной организации. При Филарете предпринимается попытка укрепления налоговой системы и перераспределения ресурсов в пользу государства, но она не привела к существенным результатам. Важным фактором, обусловившим тенденцию к укреплению государства, как и в XVI веке, был *технологический фактор*. Военное давление соседей побуждало к перениманию западной военной технологии. Создание полков «иноземного строя» в середине XVII века стало отправным моментом новой военной революции, результатами которой, в соответствии с теорией, были рост налогов, усиление бюрократического аппарата и наступление самодержавия.

Как и во времена Ивана Грозного, новая военная революция требовала проведения финансовых реформ и перераспределения ресурсов для финансирования новой армии. Однако правительство Алексея Михайловича не осмелилось повышать налоги на помещичьих крестьян, поэтому необходимые средства были получены путем введения медных денег, что вызвало стремительную инфляцию и восстание 1662 года. Другим способом финансирования армии стало повышение налогов на черносошных крестьян Севера и Вятки. Между тем Север был регионом, который менее других пострадал во время Смуты, здесь сохранялось высокое демографическое давление, а в середине столетия отмечались явные признаки Сжатия: крестьянское малоземелье, распространение аренды по очень высоким ставкам, отсутствие свободных земель, частые голодные годы и уменьшение населения в отдельных уездах. Налоговое давление государства в условиях Сжатия — так же, как во времена Ивана Грозного, — привело к катастрофическому голоду, бегству жителей и резкому уменьшению численности населения северных земель.

Нужно отметить, однако, что в отличие от катастрофы XVI века новая катастрофа имела локальный характер. В демографическом контексте кардинальным отличием ситуации после Смуты и ситуации XVII века было то обстоятельство, что первая военная революция проходила в период Сжатия, а вторая — в период восстановления экономики, когда свободных земель было достаточно. Кроме того, правительство не решилось на масштабное повышение налогов и проводило реформы постепенно, поэтому в центральных и южных районах сохранялся относительно высокий уровень жизни. Однако

продолжение военных реформ делало увеличение налогов неизбежным — и они были радикально увеличены Петром I.

Еще одним следствием военной революции было переформирование дворянского сословия. Как отмечалось выше, военная революция XVI века сопровождалась поместной реформой и введением более тяжелых норм службы «детей боярских». Военная революция XVII века заставила дворян нести службу в рейтарских полках и привела к значительному сокращению численности дворянского сословия. С другой стороны, сокращение численности сословия привело к улучшению материального обеспечения дворян, к увеличению среднего размера поместий и вотчин. В целом военные реформы представляли собой новую трансформацию структуры (вторую в XVII веке) — но эта трансформация затянулась и завершилась лишь в следующем столетии реформами Петра Великого.

В конце столетия в процесс военных реформ вмешались случайные факторы, связанные с внутренней динамикой государства. Ослабление центральной власти ввиду малолетства (или недееспособности) наследников царя Федора открыло дорогу *традиционалистской реакции*, что привело к уменьшению численности полков «иноземного строя» и частичному возврату к прежней военной системе. Эти процессы сопровождалось временным отступлением абсолютизма и новым усилением влияния элиты на правительство.

Большая роль случайных и внешних факторов в социально-экономических процессах XVII века оттеняется сравнительно менее интенсивным влиянием демографического фактора. Это обстоятельство, очевидно, связано со спецификой роли этого фактора в период восстановления. Роль демографического фактора особо значима в периоды Сжатия и перенаселения, когда малоземелье и повторяющийся голод предписывают людям и властям определенную линию поведения. В период восстановления изобилие ресурсов и относительно высокий уровень жизни обуславливают большую свободу поведенческого выбора. В этот период демографический фактор почти не ставит ограничений вмешательству других факторов, в том числе и случайных. В это время действие демографического фактора, не «запрещающее», а «разрешающее»; например, он «разрешает» крепостное право и рабство, которые в условиях перенаселения и избытка дешевой рабочей силы становятся неэффективными и исчезают.